
РУБАЙЯТ

ОМАР
ХАЙЯМ

РУБАЙЯТ

Перевел с таджикского-фарси

Владимир Державин

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»
Душанбе 1965

Составление и общая редакция

Камола Айни

Выдающийся поэт Востока Омар Хайям, живший на рубеже XI—XII веков, прославился своими рубаи — четверостишиями. Крупнейший ученый своего времени, оставивший ряд научных трудов в области математики, космогонии, философии, он на протяжении всей жизни писал четверостишия, в которых высказывал свои сокровенные мысли о жизни, о человеке, о его знании.

Рубаи — это малая поэтическая форма, но гений Хаяма сумел отразить в ней не только большие человеческие чувства, но и большие общественные и философские вопросы.

Хайям предстает перед нами большим жизнелюбом, отрицающим существование ада и рая, скорбящим над неустроенностью человеческих судеб.

ПОЭЗИЯ МУДРОСТИ

Белые и розовые лепестки плодовых деревьев падают на могилу Хайяма каждую весну, как и восемь с половиной веков тому назад.

Современник Хайяма пишет: «Однажды в городе Балхе, на улице работорговцев, во дворце эмира, на пиру за веселой беседой наш учитель Омар Хайям сказал: «Меня похоронят в таком месте, где всегда в дни весеннего равноденствия свежий ветер будет осыпать цветы плодовых ветвей». Через двадцать четыре года я побывал в Нишапуре, где был похоронен этот великий человек, и попросил указать мне его могилу. Меня привели на кладбище Хайры, и я увидел могилу у подножия садовой стены, осененную грушевыми и абрикосовыми деревьями и осыпанную лепестками цветов так, что она была совершенно скрыта под ними. Я вспомнил слова, сказанные в Балхе, и заплакал. Нигде во всем мире до обитаемых его границ не бывало человека, подобного ему». Так говорят легенды об Омаре Хайяме, о его мудрости и прозорливости, граничащей с ясновидением. Он предсказывал погоду, солнечные и лунные затмения, и он перевел стрелку мировых часов на дни весеннего равноденствия, перестроив исчисление времени по нуждам земледельцев, ибо он был великим звездочетом и болел сердцем за судьбы простых людей.

«Имам Хорасана; Ученейший муж века; Доказательство Истины; Знаток греческой науки; Царь философов Востока и Запада» — таков далеко не полный почетный титул Омара Хайяма в зените его славы. Мы мало знаем о его жизни, но по многочисленным легендам, свидетельствам современников и сообщениям позднейших историков мы можем представить себе основные черты его биографии.

Сохранился гороскоп Хайяма: «Его счастьем были Близнецы: Солнце и Меркурий находились в степени восхождения в третьем градусе Близнецов. Меркурий был в перигелии, и Юпитер, смотря на них обоих, был в утروении».

Известный исследователь творчества Хайяма индийский ученый Свами Говинда Тиртха вычислил по сочетанию светил в гороскопе, что Хайям родился 18 мая 1048 года.

Омар Хайям родился в Хорасане, в древнем городе Нишапуре, в семье зажиточного ремесленника, быть может, старейшины цеха ткачей, изготовлявших ткани для шатров и палаток.

Очевидно, ремесло его предков было почетным, ибо Хайям — псевдоним поэта — происходит от слова «хайма» (шатер, палатка).

Получив первоначальное образование в родном городе, Хайям переезжает учиться в Балх. Для дальнейшего усовершенствования своих познаний в 70-х годах XI века Хайям поселяется в Самарканде — крупнейшем научном центре того времени.

Из всех наук молодого Хайяма сильнее всего увлекала математика. Славу ему принес не дошедший до нас трактат «Трудные вопросы математики» и последовавший за ним — «Объяснения трудного в заключениях Эвклида». Вскоре Хайям переезжает в Бухару по приглашению правителя, принца из рода Караханидов. Там он принят был с большими по-

честями. Правитель Бухары, беседуя с Хайямом, «сажал его с собой рядом на престол в знак наивысшего уважения».

К этому времени стремительно выросла и утвердилась огромная империя Великих сельджуков — выходцев из кочевого туркменского племени Огузов. В 1055 г. сельджукский султан Тогрул-бек завоевал Багдад и объявил себя духовным главою всех мусульман.

Халиф окончательно утратил всякую власть, что имело большое благотворное влияние на культурное развитие народов, населявших обширные страны Ближнего Востока.

При султани Малик-шахе империя Великих сельджуков простиралась от границ Китая до Средиземного моря, от Индии до Византии. Главою нового государства стал известный Низам-ул-мульк, образованнейший человек своего века, обладавший большим государственным талантом. При нем расцвели промышленность и торговля. Он покровительствовал наукам, учреждал в больших городах учебные заведения — медресе — и восстановил Багдадскую академию «Низамийе».

По его приглашению Омар Хайям переселяется в столицу нового государства Исфахан и становится почетным приближенным султана.

Легенда говорит, что Низам-ул-мульк предложил Хайяму управлять городом Нишапуром и всей прилегающей областью. Хайям ответил: «Не хочу управлять людьми, приказывать и запрещать, а хочу весь свой разум посвятить науке на пользу людям!»

К этому времени Хайям известен как величайший астроном своего века. Ему поручено строительство крупнейшей в мире обсерватории. В результате его многолетних наблюдений за звездным небом, им была совершена реформа календаря за пятьсот лет до реформы папы Григория XIII.

Когда создавал Хайям свои четверостишия? Очевидно, в течение всей жизни, до глубокой старости. Он никогда не

писал хвалебных од правителям, никогда не был придворным льстецом, ожидающим милостей и подачек. Мы представляем себе его человеком гордым и независимым, исполненным достоинства.

Его четверостишия — рубаи — пробилась, как родники, из глубин народного творчества. Каждое четверостишие Хайяма — это маленькая поэма. Хайям выгранил форму четверостишия, как драгоценный камень, утвердил внутренние законы рубаи, и в этой области нет ему равных.

О Хайяме — ученом, философе — сказано много. До нас дошло восемь его ученых трудов — математических, астрономических, философских и медицинских. Это далеко не все его наследие. Многие или погибли, или еще не найдены. В одном четверостишии он говорит:

Тайны мира, что я заключил в сокровенной тетради,
От людей утаил я, своей безопасности ради.

Эта сокровенная тетрадь Хайяма приоткрывается нам в его великолепных четверостишиях, где он, с необыкновенной силой, глубоко и полно высказывает то, чего не мог сказать в своих научных трудах из-за суровых условий своего времени, из-за тяготевшего над мыслью гнета религии. Как язвительно издевается он в своих стихах над показной святостью, над установлениями шариата, которые он считает бессмысленными, над всем, что гнетет и давит душу живую. Он отрицает существование ада и рая, отрицает загробную жизнь, смеется над постами и молитвами, что было величайшим кощунством в глазах официальных ревнителей ислама.

Лев Толстой говорил, что художественное произведение нельзя пересказать другими словами, оно должно само рассказывать о себе. Творчество Хайяма — одна из величайших вершин мировой поэзии — говорит само за себя. Все более приближается к нам и проясняется сквозь редящийся туман

столетних разнотолков огромный, гысячецветно сверкающий мир поэзии и высокой мысли Омара Хайяма.

Восемнадцатилетний период жизни Хайяма в Исфахане был самым счастливым и творчески плодотворным временем его жизни под защитой могущественных покровителей.

В 1092 году заговорщиками был убит Низам-ул-мульк. Через месяц в расцвете сил умер Малик-шах. Началась ожесточенная борьба за власть. Империя стала разваливаться на отдельные феодальные государства. Средства на обсерваторию перестали отпускать. Положение Хайяма становилось опасным. Его враги и гонители подняли головы. Историк пишет: «Чтобы сохранить глаза, уши и голову, шейх Омар Хайям предпринял хадж (паломничество в Мекку)». Путешествие к святым местам в ту эпоху длилось иногда годами... Возвратясь из хаджа, Омар Хайям поселился в Багдаде, где стал как бы профессором в академии Низамийе. Нрав его изменился. Он стал суровым, замкнутым и «захлопнул дверь своего дома перед прежними друзьями и единомышленниками». Прошли годы, в стране установился сравнительный порядок. К власти пришел сын Низам-ул-мулька, стремившийся продолжать политику своего отца. Овеянный славой, великий ученый Омар Хайям вернулся в родной Нишапур. Ему к тому времени было, очевидно, более 70 лет. Последние годы жизни он провел на родине, в благословенном Хорасане, окруженный почетом и уважением лучших людей своего времени. Его гонители не осмеливались расправиться с ним.

Четверостишия Хайяма полны глубоких философских раздумий. Он скорбит над неустроенностью человеческих судеб, над обреченностью жизни человеческой. Эти четверостишия, очевидно, родились в годы его скитаний, когда он стал мишенью издевательств и преследований людей низких и лицемерных, которых он так всегда ненавидел.

Великий гуманист и жизнелюбец Хайям утверждает жизнь, прославляет красоту и духовное величие человека. Глубинный смысл его поэтических образов не дает нам поводов для мистического, суфийского их истолкования, но и за каждой реалистической картиной, будь то гончарная мастерская, или черепок кувшина, бывший когда-то черепом шаха, скрывается глубокий и драгоценный символ: он воспевает возлюбленную, и хотя она смертна, как все люди, она становится божеством, ради которого он отрекается от рая. Он прославляет пир, но это пир высоких мыслей и благородных чувств — пир Платона. Чаша вина — это волшебная чаша Джамшида, чаша человеческого разума, объемлющего весь мир. Собирище пьяных гуляк — оказывается кругом избранных мудрецов.

В некоторых четверостишиях возникают пейзажи, изумительные по чистоте и прозрачности красок. Хайям, столь много сказавший о кувшине, чаше и вине, не был ни пьяницей, ни гулякой. Великому мудрецу, ученому, трудившемуся весь свой долгий век до последнего часа, едва ли могло прийти в голову предаваться разгулу.

Вся поэзия Хайяма — это прославление величия духа человеческого, вся она проникнута верой в бессмертный творческий разум человека. Этим она близка нам. В этом — залог ее бессмертия.

Март, 1965 г.

Владимир Державин

РУБАЙЯТ

1

Где теперь эти люди мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности бога,—
Весь свой век бородами трясли — и бесследно ушли.

2

Тот избранный, кем путь познания начат,
Кто в небе на Бураке* мысли скачет,
Главой поник, познавши суть свою,
Как небо,— и в растерянности плачет.

3

Всех, кто стар и кто молод, что ныне живут,
В темноту одного за другим уведут.
Жизнь дана не навек. Как до нас уходили,
Мы уйдем; и за нами — придут и уйдут.

4

Если розы не нам,— и шипов вместо дара довольно.
Если свет не для нас,— нам очажного жара довольно.
Если нет ни наставника, ни ханаки*, ни хырки*,—
С нас и церкви, и колокола, и зуннара* довольно.

5

Ты сам ведь из глины меня изваял! — Что же делать мне?
 Меня, словно ткань, ты на стане соткал.— Что же делать мне?
 Всё зло и добро, что я в мире вершу, ты сам предрешил,
 Удел мой ты сам мне на лбу начертал! — Что же делать мне?

6

Кто губам прекрасным улыбку беспечную дал,
 Кто в удел скорбящим печаль сердечную дал?
 Пусть он не дал нам счастья,— довольно с нас и покоя,
 Ибо многим он слезы и муку вечную дал.

7

Жаль, что впустую жизнь мы провели,
 Что в ступе суеты нас истолкли.
 О жизнь! Моргнуть мы не успели глазом
 И, не достигнув ничего,— ушли!

8

И лица и волосы ваши красивы,
 Вы, как кипарисы, стройны, горделивы.
 И все же никак не могу я понять,
 Зачем в цветнике у творца возросли вы?

9

Коль в роде отличишь моем ты признак родовой, сакі,*
 То сто различий видовых возникнет пред тобой, сакі.
 Охотно отрекусь от них, а ты мне вдосталь дай вина,
 И пусть я перестану быть тогда самим собой, сакі!

10

То, что судьба тебе решила дать,
Нельзя ни увеличить, ни отнять.
Забьтся не о том, чем не владеешь,
А от того, что есть, свободным стать.

11

Если сердце захочет свободы и сбросит аркан,
То куда же уйти ему, кравчий? Ведь мир — океан!
И суфий, как сосуд узкогорлый,— неведенья полный,
Если выпьет хоть каплю,— ей богу, окажется пьян.

12

Вся книга молодости прочтена,
Увяла жизни ранняя весна.
Где птица радости*? Увы, не знаю,
Куда умчалась, где теперь она?

13

Когда б скрижаль судьбы мне вдруг подвластна стала,
Я все бы стер с нее и все писал сначала.
Из мира я печаль изгнал бы навсегда,
Чтоб радость головой до неба доставала.

14

Ты коварства бегущих небес опасайся.
Нет друзей у тебя, а с врагами не знайся.
Не надейся на завтра, сегодня живи.
Стать собою самим хоть на миг попытайся.

15

Месяц Дей* уступает цветущей весне,
 Книга жизни подходит к концу в тишине...
 Пей вино, не горюй! Огорчения мира —
 Яд смертельный, а противоядье — в вине.

16

За мгновеньем мгновенье — и жизнь промелькнет...
 Пусть весельем мгновение это блеснет!
 Берегись, ибо жизнь — это сущность творенья.
 Как ее проведешь, так она и пройдет.

17

Глянь на месящих глину гончаров,—
 Ни капли смысла в головах глупцов.
 Как мнут и бьют они ногами глину...
 Опомнитесь! — Ведь это прах отцов!

18

«В Шабане* месяце не троньте винных чаш!
 Не пейте и в Раджаб*!» — гласит нам веры страж,
 Шабан, Раджаб — пора аллаха и пророка?
 Что ж,— пейте в Рамазан*. Уж этот месяц наш!

19

О небо, ты души не чаешь в подлечах!
 Дворцы, и мельницы, и бани — в их руках;
 А честный просит в долг кусок лепешки черствой...
 О небо, на тебя я плюнул бы в сердцах!

20

Что гнет судьбы? Ведь это всем дано.
Не плачь о том, что вихрем сметено.
Ты радостно живи, с открытым сердцем.
Жизнь не губи напрасно, пей вино!

21

В наш подлый век неверен друг любой.
Держись подальше от толпы людской.
Тот, на кого ты в жизни положился,—
Взотришь-ка лучше,— враг перед тобой.

22

Кто ты, не знающий мира? Сам посмотри: ты — ничто.
Ветер — основа твоя, ты, богом забытый,— ничто.
Грань твоего бытия — две бездны небытия,
Тебя окружает ничто, и сам внутри ты — ничто.

23

Как горько, что жизни основы навек обрываются!
Уходят в неизвестность... и кровью сердца обливаются.
Никто не вернулся и вести живым не принес:
Что с ними? И где они в мире загробном скитаются?

24

Испивши вина среди нас, и гордец бы смягчился.
Я видел, как узел тугой от вина распустился,
И если бы выпил вина ненавистник Иблис*,
Две тысячи раз Человеку бы он поклонился.

25

Сакí! Джамшида* чаши лик твой краше,
 Смерть за тебя отрадней жизни нашей.
 И прах у ног твоих — свет глаз моих —
 Светлей ста тысяч солнц в небесной чаше.

26

В мир пришел я, но не было небо встревожено.
 Умер я, но сиянье светил не умножено.
 И никто не сказал мне — зачем я рожден
 И зачем второпях моя жизнь уничтожена?

27

Беспечно не пил никогда я чистого вина,
 Пока мне чаша горьких бед была не подана.
 И хлеб в солонку не макал, пока не насыщался
 Я сердцем собственным своим, сожженным дочерна.

28

Черепок кувшина выше царства, что устроил Джам.*
 Чаша винная отрадней райской пищи Мариам.
 Ранним утром вздохи пьяниц для души моей священной
 Воплей всех Абу Саида и молитв, что пел Адхам.*

29

Вчера зашел я в лавку гончаров,
 Проворны были руки мастеров.
 Но не кувшины я духовным взором
 Увидел в их руках, а прах отцов.

30

Говорят, что я пьянствовать вечно готов,— я таков,
 Что я ринд* и что идиолов чту*, как богов,— я таков.
 Каждый пусть полагает по-своему, спорить не буду.
 Знаю лучше их сам про себя, я каков,— я таков.

31

Доколь из-за жизненных бед свои сокрушать сердца?
 Ты ношу печали своей едва ль донесешь до конца.
 Увы! Не в наших руках твои дела и мои,
 И здесь покориться судьбе не лучше ль для мудреца?

32

О кравчий! Цветы, что в долине пестрели,
 От знойных лучей за неделю сгорели.
 Пить будем, тюльпаны весенние рвать,
 Пока не осыпались и не истлели.

33

Я смерть готов без страха повстречать.
 Не лучше ль будет там, чем здесь,— как знать?
 Жизнь мне на срок дана. Верну охотно,
 Когда пора наступит возвращать.

34

Наш мир — подобье старого рабата*,
 Ночлежный дом рассвета и заката,
 Остатки пира после ста Джамшидов,
 Пещеры ста Бахрамов* свод заклятый.

35

Где польза, что придем и вновь покинем свет?
 Куда уйдет уток основы наших лет?
 На лучших из людей упало пламя с неба,
 Испепелило их,— и даже дыма нет.

36

Загадок вечности не разумеем — ни ты, ни я.
 Прочесть писем неясных не умеем — ни ты, ни я.
 Мы спорим перед некою завесой. Но час пробьет,
 Падет завеса, и не уцелеем — ни ты, ни я.

37

Ты сердцу не ищи от жизни утоленья.
 Где Джам и Кей-Кубад?* Они — добыча тленья.
 И вся вселенная и все дела земли —
 Обманный сон, мираж и краткое мгновенье.

38

Неужто для отдыха места мы здесь не найдем?
 Иль вечно идти нескончаемым этим путем?
 О, если б надеяться, что через тысячи лет
 Из чрева земли мы опять, как трава, прорастем!

39

Сакі! Пусть любви удостоен я пери прелестной,
 Пусть винную горечь заменят мне влагой небесной.
 Пусть будет чангисткой Зухра*, собеседник — Иса.*
 Коль сердце не радостно, то пировать неуместно.

40

Човган* судьбы, как мяч, тебя гоняет.
 Беги проворней, — спор не помогает!
 Куда? Зачем? — Не спрашивай. Игрок
 Всѣ знает сам! Он знает, он-то знает!

41

По книге бытия гадал я о судьбе.
 Мудрец, скрывая скорбь душевную в себе,
 Сказал: «С тобой — луна в ночи, как месяц, долгой.
 Блаженствуй с ней! Чего еще искать тебе?»

42

Не бойся козней времени бегущего,
 Не вечны наши беды в круге сущего.
 Миг, данный нам, в веселье проведи,
 Не плачь о прошлом, не страшись грядущего.

43

Боюсь, что в этот мир мы вновь не попадем,
 И там своих друзей — за гробом — не найдем.
 Давайте ж пировать в сей миг, пока мы живы,
 Быть может, миг пройдет — мы все навек уйдем.

44

Вот в чаше — бессмертья вино, — выпей его!
 Веселье в нем растворено, — выпей его!
 Гортань, как огонь, обжигает, но горе смывает
 Живою водою оно, — выпей его!

45

Пусть в наших знаниях — изъян, в постулатах — обмань.
Полно томиться, разгоним сомнений туманы!
Лучше наполним широкую чашу вином,
Выпьем и веселы будем — ни трезвы, ни пьяны.

46

Зачем печалью сердечный мир отягчать?
Зачем заботой счастливый день омрачать?
Никто не знает, что нас потом ожидает.
Здесь нужно всё нам, что можем мы пожелать.

47

С беспечным сердцем встречай рассвет и закат,
Пей с луноликой, утешь и сердце, и взгляд.
О друг, не время терзаться тщетной заботой,
Ведь из ушедших никто не вернулся назад.

48

Конечно, цель всего творенья — мы,
Источник знания и прозренья — мы.
Круг мироздания подобен перстню,
Алмаз в том перстне, без сомненья, — мы.

49

Пей с мудрой старостью златоречивой,
Пей с юностью улыбочиво красивой.
Пей, друг, но не кричи о том, что пьешь,
Пей изредка и тайно — в миг счастливый.

50

Ты жив, здоров, беспечен, пей пока
 С красавицей, как роза цветника,
 Покамест не сорвет дыханье смерти
 Твой краткий век подобьем лепестка.

51

На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
 Любимая — лучшее творенье господне — прекрасна.
 Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?
 Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня — прекрасно.

52

Я болен, духовный недуг мое тело томит,
 Отказ от вина мне воистину смертью грозит.
 И странно, что сколько я не пил лекарств и бальзамов —
 Всё вредно мне! Только одно лишь вино не вредит.

53

Моей скорби кровавый ручей сотню башен бы снес,
 Десять тысяч строений подмыл бы поток моих слез.
 Не ресницы на веках моих — желоба дождевые,
 Коль ресницы сомкну — от потопа бежать бы пришлось.

54

Мне богом запрещено — то, что я пожелал,
 Так сбудется ли оно — то, что я пожелал?
 Коль праведно всё, что Изед* захотел справедливый,
 Так значит, всё — ложно, грешно, — то, что я пожелал.

55

Те, что украсили познания небосклон,
 Взойдя светилами для мира и времен,
 Не расточили тьму глубокой этой ночи,
 Сказали сказку нам и погрузились в сон.

56

Тот, кто землю поставил и над нею воздвиг небосвод,
 Сколько горя с тех пор он печальному сердцу несет.
 Сколько ликов прекрасных, как луны, и уст, как рубины,
 Скрыл он в капище праха земного, под каменный гнет.

57

Ты сегодня не властен над завтрашним днем.
 Твои замыслы завтра развеются сном!
 Ты сегодня живи, если ты не безумен.
 Ты — не вечен, как всё в этом мире земном.

58

Малая капля воды слилась с волною морской.
 Малая горстка земли смешалась с перстью земной.
 Что твой приход в этот мир и что твой уход означает?
 Где эта вся мошкара, что толклась и звенела весной?

59

Хоть грешен и несчастен я, хоть мерзостен себе я сам,
 Но не отчаиваюсь я, в кумирню не бегу к богам,
 С похмелья полумертв с утра — встаю, иду я, как вчера,
 К красавицам, в питейный дом, а не в мечеть, не в божий храм!

60

Друг, не тужи о том, чего уж нет,
 Нам светит дня сегодняшнего свет.
 Всем завтра предстоит нам путь безвестный
 Вослед ушедшим за семь тысяч лет.

61

Для тех, кому познание тайн дано,
 И радость, и печаль — не все ль равно?
 Но коль добро и зло пройдут бесследно,
 Плачь, если хочешь,— или пей вино.

62

Мы были каплей, и от жара страсти
 Явились в мире — не по нашей власти.
 И если завтра вихрь развеет нас,
 Найди хоть в чаше винной отблеск счастья.

63

Мы чашей весом в ман* печаль сердец уьем.
 Обогадим себя кувшинами с вином.
 Трикраты дав развод сознанию, знанию, вере,
 На дочери лозы мы женимся потом.

64

Как странно жизни караван проходит.
 Блажен, кто путь свой — весел, пьян проходит.
 Зачем гадать о будущем, сакй?
 Дай мне вина! Ночной туман проходит!

65

Огонь моей страсти высок пред тобой,— так да будет!
 В руках моих — гроздий сок огневой,— так да будет!
 Вы мне говорите: «Раскайся, и будешь прощен».
 А если не буду прощен, будь что будет со мной!—так да будет!

66

В воздух бросило солнце блистающий утра аркан,
 И над шариком в чаше раздумьем Хосров* обуян.
 Пей вино! Это клики любви во вселенной безмерной
 Отзываются откликом: «Пей же, пока ты не пьян.»

67

Эй, муфтий*, погляди... Мы умней и дельнее, чем ты.
 Как с утра мы ни пьяны, мы всё же трезвее, чем ты.
 Кровь лозы виноградной мы пьем, ты же кровь своих ближних;
 Сам суди — кто из нас кровожадней и злее, чем ты.

68

Доколь мне в обмане жить, как в тумане бродить?
 Доколь мне, о жизнь, осадки мутные пить?
 Наскучила мне твоя хитрость, саки вероломный,
 И жизнь я готов, как из чаши, остатки пролить.

69

Любимая, чьим взглядом сердце ранено,
 Сама петлею горя заарканена.
 Где я найду бальзам, когда сознание
 Целительницы нашей отуманено?

70

Чаша вина мне дороже державы Кавуса,
Трона Кубада и славы отважного Туса*.
Стоны влюбленных, что слышатся мне на рассвете,
Выше молитв и отшельнического искуса.

71

Ты не мечтай перевалить за семь десятков лет.
Так пусть же пьяным застаёт всегда тебя рассвет.
Пока из головы твоей не сделали кувшин,
Кувшину с чашей дай любви и верности обет.

72

Пред тем, как испытать превратности сполна,
Давай-ка разопьем сегодня ратль* вина.
Что завтра нам сулит вращенье небосвода?
Быть может, и вода не будет нам дана.

73

Мой дух скитаньями пресытился вполне,
Но денег у меня, как прежде, нет в казне.
Я не ропщу на жизнь. Хоть трудно приходилось,
Вино и красота все ж улыбались мне.

74

Ты ради благ мирских сгубил земные дни,
Но вспомни День Суда, на жизнь свою взгляни.
Ведь многих до тебя стяжанье сгубило.
И что постигло их? Где все теперь они?

25

75

Кто слово разума на сердце начертал,
Тот ни мгновения напрасно не терял.
Он милость Вечного снискать трудом старался —
Или покой души за чашей обретал.

76

Мы чистыми пришли и осквернились,
Мы радостью цвели и огорчились.
Сердца сожгли слезами, жизнь напрасно
Растратили и под землею скрылись.

77

Солнце пламенного небосклона — это любовь,
Птица счастья среди чащи зеленой — это любовь.
Нет, любовь не рыдания, не слезы, не стон соловья,
Вот, когда умираешь без стога,— это любовь.

78

Когда у меня нет вина, в тот день, как больной, я влачусь.
Приемля целебный бальзам, я, словно от яда, томлюсь.
Превратности мира мне — яд, а противоядье — вино.
Когда я выпью вина, то яда я не страшусь.

79

Никто не соединился с возлюбленной своей,
Пока не изранил сердце шипами, как соловей.
Пока черепаховый гребень на сотню зубцов не расщеплен,
Он тоже не волен коснуться твоих благовонных кудрей.

80

Я из рая иль ада пришел,— сам не знаю я о себе,
Я такой живу, как я есть,— так угодно было судьбе.
Полный кубок, кумир и барбат* на цветущем лугу и ручья:
Эти три — наличными мне, рай обещанный — в долг тебе.

81

Сказал я сам себе: вина я пить не буду,
Кровь виноградных лоз теперь я лить не буду.
«Ты впрямь решил не пить?» — спросил меня рассудок,
А я: «Как мне не пить? Тогда я жить не буду».

82

Вновь меня чистым вином, о друзья, напоите,
Розы весны пожелтевшим ланитам верните.
В день моей смерти вы прах мой омойте вином,
Из виноградной лозы мне табуг* смастерите.

83

Вином и пери счастье мне дано.
Пусть будет сердце радостью полно.
Всегда, пока я был, и есмь, и буду,
Я пил, и пью, и буду пить вино.

84

Вновь распускаются розы под утренним ветерком,
И соловьиною песней всё огласилось кругом.
Сядем под розовой сенью! Будут, как нынче, над нами
Их лепестки осыпаться, когда мы в могилу сойдем.

85

Хайям, судьба сама бы устыдилась
 Того, чья грудь тщетою сокрушилась.
 Так пей под чанг* вино из полной чаши,
 Пока о камень чаша не разбилась.

86

Когда опять вы в погребок укрomный постучите,
 Вы лицезрением друзей сердца развеселите.
 Когда сакі вас угостит пьянящей влагой магов,
 Вы добрым словом и меня, беднягу, помяните.

87

Если тайну среди трущоб я открою тебе, любя,
 Это лучше пустых молитв, пусть в михрабе*,— но без тебя.
 Ты — конец и начало всего, без тебя и нет ничего,
 Хочешь — сам меня одари, иль сожги, навек истребя.

88

Ты мой кувшин с вином разбил, о господи!
 Ты дверь отрады мне закрыл, о господи!
 Ты пролил на землю вино пурпурное...
 Беда мне! Или пьян ты был, о господи?

89

Тот гончар, что, как чаши, у нас черепа округлил,
 Впрямь искусство в гончарном своем ремесле проявил.
 Над широкой суфрой* бытия опрокинул он чашу
 И всю горечь вселенной под чашею той заключил.

90

Ты — благ, зачем же о грехах мне думать.
Ты — щедр, о хлебе ль на путях мне думать?
Коль, воскресив, ты обелишь меня,
Зачем о черных письменах мне думать?*

91

Взрастит ли розу в мире небосвод,
Что после зноем полдня не сожжет?
Когда б копился в тучах прах погибших,
То дождь кровавый падал бы с высот.

92

Ты дай вина горе — гора пошла бы в пляс.
Пусть карой за вино глупец пугает вас,
Я в том, что пью вино, вовеки не раскаюсь,
Ведь мысль и дух оно воспитывает в нас.

93

Подыми пиалу и кувшин ты, о свет моих глаз,
И кружись на лугу, у ручья в этот радостный час,
Ибо многих гончар-небосвод луноликих и стройных
Сотни раз превратил в пиалу, и в кувшин—сотни раз.

94

Вчера раскрошил я о камень кувшин обливной.
Быв пьяным, свершил я поступок нелепый такой.
Кувшин прошептал мне: «Тебе я был прежде подобен,
Не стало б того же с тобою, что стало со мной!

95

Разум смертных не знает, в чем суть твоего бытия.
Что тебе непокорность моя и покорность моя?
Опьяненный своими грехами, я трезв в упованье,
Это значит: я верю, что милость безмерна твоя.

96

Жильцы немых гробниц, забытые в веках,
Давно рассыпались и превратились в прах.
Чем напились они, чтоб так — до Киёмата*
Проспать без памяти, забыв о двух мирах?

97

На пиру рассудка разум мне всегда гласит одно,
Хоть в Аравии и Руме разнотолк идет давно:
«Пить вино грешно, но имя благодати — Майсара*.
Майсара,— сказал создатель,— это значит: пей вино».

98

Теперь, пока ты волен, встань, поди,
На светлый пир любовь свою веди.
Ведь это царство красоты не вечно,
Кто знает: что там будет впереди?

99

Встань, милый отрок мой, рассвет блеснул лучом.
Наполни чаш кристалл рубиновым вином.
Нам время малое дано в юдоли брэнной.
То, что уйдет навек, мы больше не вернем.

30

100

Вино — прозрачный рубин, а кувшин — рудник.
 Фиал — это плоть, а вино в нем — души родник,
 В хрустальной чаше искрится вино огневое,—
 То — ливень слез, что из крови гроздий возник.

101

Те, что вместо благочестья лицемерье славят,
 Меж душой живой и телом средостенье ставят.
 Их послушав, я на темя ставлю хум* с вином,
 Хоть, как петуху, мне темя гребнем окровавят,

102

Возлюбленная, да будет жизнь твоя дольше моей печали!
 Сегодня милость явила мне, как прежде, когда-то вначале.
 Бросила взгляд на меня и ушла, как будто сказать хотела:
 «Сделай добро и брось в поток, чтобы людям волны умчали».

103

Я пью вино, но я не раб гшеты.
 За чашей помыслы мои чисты.
 В чем смысл и сила поклоненья чаше? —
 Не поклоняюсь я себе, как ты.

104

Ты, кравчий, озарил мою судьбу,
 Ты — свет влюбленному, а не рабу.
 А тот, кто не погиб в потоке горя,
 Живет в ковчеге Ноя, как в гробу.

105

В горшечный ряд зашел я на базар,
Там был гончарный выставлен товар.
И вдруг — один кувшин глаголом тайным
Спросил: «Где покупатель? Где гончар?»

106

Что мне троны султанов? Что мне их дворцы и казна?
Не нужна мне чалма из касаба*, мне флейта нужна!
Звук молитвенных четок — посланников рати обмана —
Отдаю я сполна за вечернюю чашу вина.

107

Вчера, хмельной, я шел в кабак по городским руинам;
И пьяный старец в майхане* мне встретился с кувшином.
Сказал я: «Бога постыдись. Подумай о душе!»
А он: «Бог милостив! Садись! И выпить помоги нам».

108

Не порбчь лозы-невесты непорочной виноградной,
Над ханжою злой насмешкой насмехайся беспощадно.
Кровь двух тысяч лицемеров ты пролей, — в том нет греха, —
Но, цедя вино из хума, не разлей струи отрадной.

109

За завесу тайн людям нет пути,
Нам неведом срок в дальний путь идти,
Всех один конец ждет нас... Пей вино!
Будет сказку мир без конца вести!

110

Безумец я — влюблен в вино,—ну что ж!
Позора не страшись, пока ты пьешь.
Так много пил я, что прохожий спросит:
«Эй, винный жбан, откуда ты бредешь?»

111

Сегодня имя доброе — позор,
Насилем судьбы терзаться — вздор!
Нет, лучше пьяным быть, чем, став аскетом,
В небедомое устремлять свой взор.

112

Вы мне говорите: «Ты хоть меньше пей!
В чем причина страсти пагубной твоей?»
Лик подруги милой, утренняя чаша —
Вот в чем вся причина, нет причин важней.

113

Ты можешь быть счастливым, можешь пить.
Но ты во всем усерден должен быть.
Будь мудрым, остальное все не стоит
Того, чтоб за него свой век сгубить.

114

Я знаю всю зримую суть бытия и небытия.
Все тайны вершин и низин постигла душа моя.
Но я от всего отрекусь и знаний своих устыжусь,
Коль миг протрезвленья один за век свой припомню я.

115

Чудо — чаша. Бессмертный мой дух восхваляет ее
 И стократно в чело умиленно лобзает ее.
 Почему же художник-гончар эту дивную чашу,
 Не успев изваять, сам потом разбивает ее?

116

Пока с тобой весна, здоровье и любовь,
 Пусть нам дадут вина — багряной грозди кровь.
 Ведь ты не золото! Тебя, глупец беспечный,
 Однажды закопав, не откапуют вновь.

117

Сакй! Печалью грудь моя полна.
 Без меры нынче выпил я вина.
 Пушок твоих ланит так юн и нежен,
 Что новая пришла ко мне весна.

118

Небо — кушак, что облек изнуренный мой стан,
 Волны Джейхуна* — родил наших слез океан.
 Ад — это искорка наших пылающих вздохов.
 Рай — это отдых, что нам на мгновение дан.

119

Вам — кумирня и храм, нам — кумиры и чаша с вином.
 Вы живете в раю, мы — в геенне горящей живем.
 В чем же наша вина? Это сам он — предвечный художник
 На скрижалях судьбы начертал своим вещим резцом.

120

В дальний путь караваны идут, бубенцами звенят,
 Кто поведал о бедах, что нам на пути предстоят?
 Берегись! В этом старом рабате алчбы и нужды
 Не бросай ничего, ибо ты не вернешься назад.

121

Из кожи, мышц, костей и жил дана творцом основа нам.
 Не преступай порог судьбы. Что ждет нас, неизвестно, там,
 Не отступай, пусть будет твой противоборец сам Рустам*.
 Ни перед кем не будь в долгу, хотя бы в долг давал Хотам*.

122

Коль весенней порою, красотой блистая,
 Сядет пери со мною, чашу мне наполняя,
 У межи шелестящей, золотящейся нивы,—
 Пусть я буду неверным, если вспомню о рае.

123

Знай — великий грех не верит в милосердие творца.
 Если ты, в грехах увязший, превратился в сквернеца,
 Если ты в питейном доме спишь теперь, смертельно пьяный,
 Он простит твой остов тленный после смертного конца.

124

Лучше в жизни всего избегать, кроме чаши вина,
 Если пери, что чашу дала, весела и хмельна.
 Опьянеешь, беспугство, поверь, от Луны и до Рыбы,
 Это — лучшее здесь, если винная чаша полна.

125

Стебель свежей травы, что под утренним солнцем блестит,
 Волоском был того, кто судьбою так рано убит.
 Не топчи своей грубой ногой эту нежную травку,
 Ведь она проросла из тюльпаноцветных ланит.

126

Когда я трезв, то ни в чем мне отрады нет.
 Когда я пьян, то слабеет разума свет.
 Есть время блаженства меж трезвостью и опьянением,
 И в этом — жизнь. Я прав иль нет? Дай ответ.

127

Я жадно устами к устам кувшина прильнул,
 Как будто начало желанной жизни вернул.
 «Я был, как и ты. Так побудь хоть мгновенье со мною», —
 Так глиняной влажной губою кувшин мне шепнул.

128

С фиалом в руке, с локоном пери — в другой,
 Сидит он в отрадной тени, над светлой рекой.
 Он пьет, презирая угрозы бегущего свода,
 Пока не упьется, вкушая блаженный покой.

129

Страданий горы небо громоздит, —
 Едва один рожден, другой — убит.
 Но неродившийся бы не родился,
 Когда бы знал, что здесь ему грозит.

130

Блажен, кто в наши дни вкусил свободу,
Минуя горе, слезы и невзгоду;
Был всем доволен, что послал Яздан,
Жил с чистым сердцем, пил вино — не воду.

131

Увы! Мое незнание таково,
Что я — беспомощный — страшусь всего.
Пойду зуннар надену, — так мне стыдно
Грехов и мусульманства моего!

132

Как обратиться мне к другой любви?
И кто она, о боже, назови.
Как прежнюю любовь забыть смогу я,
Когда глаза в слезах, душа в крови!

133

Бессудный этот небосвод — губитель сущего всего,
Меня погубит и тебя, и не оставит ничего.
Садись на свежую траву, с беспечным сердцем пей вино.
Ведь завтра вырастет трава, о друг, из праха твоего.

134

Чем прославились в веках лилия и кипарис?
И откуда все о них эти притчи родились?
Кипарис многоязык, и цветок многоязык.
Что ж молчат? Иль от любви самовольно отреклись?

135

Коль жизнь прошла, не все ль равно — сладка ль, горька ль она?
 Что Балх и Нишапур тогда пред чашею вина?
 Пей, друг! Ведь будут после нас меняться много раз
 Ущербный серп, и новый серп, и полная луна.

136

Есть ли мне друг, чтобы вял моей повести он?
 Чем человек был вначале, едва сотворен?
 В муках рожденный, замешан из крови и глины,
 В муках он жил и застыл до скончанья времен.

137

О друг, заря рассветная взошла.
 Так пусть вином сверкает пиала!
 Зима убила тысячи Джемшидов,
 Чтобы весна сегодня расцвела.

138

Тем,— кто несет о неизвестном весть,
 Кто обошел весь мир,— почет и честь.
 Но больше ли, чем мы, они узнали
 О мире,— о таком, каков он есть?

139

Доколе дым кумирни прославлять,
 О рае и об аде толковать?
 Взгляни на доски судеб: там издревле
 Написано всё то, что должно стать.

140

Пусть эта пиала кипит, сверкает
Живым вином, что жизнь преобразает.
Дай чашу! Всё известно, что нас ждет,
Спеши! Ведь жизнь всечасно убегает.

141

Чья рука этот круг вековой разомкнет?
Кто конец и начало у круга найдет?
И никто не открыл еще роду людскому —
Как, откуда, зачем наш приход и уход.

142

Только ливень весенний омоет ланиты тюльпана,
Встав с утра, ты прильни к пиале с этой влагою пьяной.
Ведь такая ж трава, что сегодня твой радует взгляд,
Через век прорастет из тебя в этом мире обмана.

143

Зачем себя томить и утруждать,
Зачем себе чрезмерного желать.
Что предназначено, то с нами будет.
Ни меньше и ни больше нам не взять.

144

Все тайны мира ты открыл... Но все ж
Тоскуешь, втихомолку слезы льешь.
Всё здесь не по твоей вершится воле.
Будь мудр, доволен тем, чем ты живешь.

145

И опять небосвод неразгаданной тайной зажжется...
От коварства его ни Махмуд, ни Аяз* не спасется.
Пей вино, ибо вечная жизнь никому не дана.
Кто из жизни ушел, тот, увы, никогда не вернется.

146

Гласит завет: «Прекрасен рай с любовью девы неземной».
А я в ответ: «Отрадней мне здесь виноградный сок хмельной».
Бери наличность, откажись от неналичного расчета.
Приятен только издали тревожный барабанный бой.

147

Будь весел! Море бедствий бесконечно.
Круговорот светил пребудет вечно.
Но завтра ты пойдешь на кирпичи
У каменщика под рукой беспечной.

148

Коль наша жизнь мгновение одно,
Жить без вина, поистине, грешно.
Что спорить: вечен мир или невечен.—
Когда уйдем, нам будет все равно.

149

О судьба! Ты насилье во всем утверждаешь сама.
Беспределен твой гнет, как тебя породившая тьма.
Благо подлым даришь ты, а горе — сердцам благородным,
Или ты не способна к добру, иль сошла ты с ума?

150

Знаю сам я пороки свои.— Что мне делать?
Я в греховном погряз бытии.— Что мне делать?
Пусть я буду прощен, но куда же я скроюсь
От стыда за поступки мои? — Что мне делать?

151

Мы сперва покупаем вино молодое,
За два зернышка всё уступаем земное.
Ты спросил: «Где ты будешь — в аду иль в раю?»
Дай вина — и оставь меня, братец, в покое.

152

Если истина в мире условна, что ж, сердце губя,
Предаешься ты скорби, страданья свои возлюбя.
С тем, что есть, примиришь, о мудрец. То, что вечным каламом
Предначертано всем, не изменится ради тебя.

153

Я мук разлуки нашей не забуду.
Ищу тебя, неволью веря чуду.
Ты к страждущим, покинутым вернись!
И в сонме душ твоей я жертвой буду.

154

С людьми ты тайной не делись своей.
Ведь ты не знаешь, кто из них подлей.
Как сам ты поступаешь с божьей тварью,
Того же жди себе и от людей.

155

Я красоты приемлю самовластье.
К ее порогу сам готов припасть я.
Не обижайся на ее причуды.
Ведь всё, что от нее исходит — счастье.

156

Влюбленные, пьяные — вновь мы без страха
Вину поклоняемся, вставши из праха.
И сбросив, как рубище, плен бытия,
Сегодня вступаем в чертоги аллаха.

157

Как жаль, что бесполезно жизнь прошла,
Погибла, будто выжжена дотла.
Как горько, что душа томилась праздно
И от твоих велений отошла.

158

Хоть я в покорстве клятвы не давал,
Хоть пыль грехов с лица не отмывал,
Но верил я в твое великодушье
И одного двумя не называл.

159

Ты учишь: «Верные в раю святом
Упьются лаской гурий и вином».
Какой же грех теперь в любви и пьянстве,
Коль мы, в конце концов, к тому ж придем?

160

Коль раздобуду я вина два мана,
 Лепешку и жаркое из барана
 И с милой средь руин уединюсь,—
 То будет пир, достойный лишь султана.

161

Когда наши души уйдут, с телами навек разлучась,
 Из праха умерших давно построят надгробье для нас.
 И долгие годы пройдут, и правнуки наши умрут,
 Пойдем на надгробье для них и мы, в кирпичи превратясь.

162

«Те, что живут благочестиво,— имамы говорят,—
 Войдут такими же, как были, в господень райский сад.»
 Мы потому не расстаемся с возлюбленной, с вином,—
 Ведь, может быть, как здесь мы жили, так нас и воскресят.

163

Небосвод! Лишь от злобы твоей наши беды идут,
 От тебя справедливости мудрые люди не ждут.
 О земля! Если взрыть глубину твоей груди холодной,
 Сколько там драгоценных алмазов и лалов найдут!

164

«Всех пьяниц и влюбленных ждет геенна.»
 Не верьте, братья, этой лжи презренной! —
 Коль пьяниц и влюбленных в ад загнать,
 Рай опустеет завтра ж, несомненно,

165

По краям этой чаши прекрасной вились письмена,
 Но разбита и брошена в пыль на дороге она.
 Обойди черепки осторожно. Была ведь, быть может,
 Эта чаша из чаши прекрасной главы создана.

166

Зачем ты пользы ждешь от мудрости своей?
 Удоя от козла дождешься ты скорей.
 Прикинись дураком — и больше пользы будет,
 А мудрость в наши дни дешевле, чем порей.

167

Зачем, о грехах вспоминая, Хайям, убиваешься ты?
 О грешник, иль в милости божьей душой сомневаешься ты?
 Коль не было бы грехов, то не было бы и прощенья.
 Прощенье живет для греха. Так о чем сокрушаешься ты?

168

Эй, неженка, открой навстречу утру взгляд,
 И пей вино и пой, настроив струнный лад.
 Ведь кто сегодня жив, тот завтра будет взят,
 А кто ушел навек, тот не придет назад.

169

Когда смерть меня схватит, задора полна,
 Как меня, словно птицу, ошиплет она,
 Вы из персти моей смастерите кувшин.
 Может быть, оживит меня запах вина.

170

Чтоб обмыть мое тело, вина принесите,
 Изголовье могилы вином оросите.
 Захотите найти меня в день воскресенья,—
 Труп мой в прахе питейного дома ищите,

171

Мне говорят: «Не пей, чтоб не попасть в беду,
 Иначе в судный день очутишься в аду.»
 Пусть так, но я отдам за чашу оба мира
 И до пьяна упьюсь, и пьяный в гроб сойду.

172

Кто мы? — Куклы на нитках, а кукольник наш — небосвод,
 Он в большом балагане своем представленье ведет.
 Он сейчас на ковре бытия нас попрыгать заставит,
 А потом в свой сундук одного за другим уберет.

173

Увидел птицу я среди руин твердыни
 Над черепом царя, валявшимся в пустыне.
 И птица молвила: «Ты ль это, Кей-Кавус?»
 Где гром твоих литавр? Где трон и меч твой ныне?»

174

Достав вина два мана, не жалея —
 Сам пей и вдоволь угощай друзей.
 Ведь не нуждается создатель мира
 В твоих усах и в бороде моей.

175

О небосвод! Что ты сердце мое огорчаешь,
 Счастья рубаху на мне ты в клочки разрываешь.
 Делает северный ветер дыханьем огня,
 Воду в моей пиале ты в песок превращаешь.

176

Зачем копить добро в пустыне бытия?
 Кто вечно жил средь нас? Таких не видел я.
 Ведь жизнь нам в долг дана, и то — на срок недолгий,
 А то, что в долг дано, не собственность твоя.

177

Одна рука — на коране, другая — на чаше пиров.
 То мы — благочестивы, то нет для молитвы слов.
 Под этим мраморным сводом, в эмалевой бирюзе
 Кто мы — мусульмане, кафиры? — Не ясно, в конце концов,

178

Ведь задолго до нас ночь сменялась блистающим днем,
 И созвездья всходили над миром своим чередом.
 Осторожно ступай по земле! Каждый глины комок,
 Каждый пыльный комок был красавицы юной зрачком.

179

Друг, из кувшина полного того
 Черпни вина, мы будем пить его,
 Пока гончар не сделает кувшина
 Из праха моего и твоего.

180

Сердце, воспряны! Мы по струнам рукой проведем,
 Доброе имя уроним с утра за вином.
 Коврик молитвенный в доме питейном заложим,
 Скланку позора и чести, смеясь, разобьем. /

181

Из-за рока неверного, гневного не огорчайся.
 Из-за дреннего мира плачевного не огорчайся.
 Весел будь! Что случилось — прошло, а что будет, не видно,
 Ради сует удела двухдневного не огорчайся.

182

Будь весел, праздник вновь прославлен будет,
 Пирь начнутся, пост оставлен будет.
 Ущербный месяц тош. День, два пройдет —
 И он от всех невзгод избавлен будет.

183

В любви к тебе не страшен мне укор,
 С невеждами я не вступаю в спор.
 Любовный кубок — исцеленье мужу,
 А не мужам — паденье и позор.

184

Все этого пестрого мира дела, — как я вижу —
 Презренны, никчемны, исполнены зла, — как я вижу,
 Что ж, слава творцу! Этот дом, что я строил всю жизнь,
 Невежды сожгут и разрушат дотла, — как я вижу,

185

Друзья, дадим обет быть вместе в этот час,
 В веселье на печаль совместно ополчась,
 И сядем пить вино сегодня до рассвета!
 Придет иной рассвет, когда не будет нас.

186

Если в городе отличишься, станешь злобы людской мишенью,
 Если в келье уединишься,— повод к подлому подозрению.
 Будь ты даже пророк Ильяс, будь ты даже бессмертный Хызр*,—
 Лучше стань никому неведом, лучше стань невидимой тенью.

187

Ты формы отлива людей сотворил издавна.
 Что ж наша природа различных изъянов полна?
 Коль форма из глины прекрасна, зачем разбивать,
 А если плоха эта форма, чья в этом вина?

188

Ни увеличить нам нельзя, ни приуменьшить свой удел.
 Не огорчайся же, мудрец, из-за пустых иль важных дел.
 Увы, я к выводу пришел: твоя ль судьба, моя ль судьба —
 Не воск в руках. Никто досель придать ей форму не сумел.

189

Все —и зло, и добро, что людская скрывает природа,
 Высшей воле подвластно, и здесь не дана нам свобода.
 Ты вину своих бедствий не сваливай на небосвод.
 В сто раз хуже, чем твой, подневольный удел небосвода.

190

Посмотри на стозвездный опрокинутый небосвод,
Под которым мудрейшие терпят насилие и гнет.
Посмотри на лобзанье любви пиалы и бутылки —
Как прильнули друг к другу, а кровь между ними течет.

191

Эй, сердце, собери, что нужно в этом мире,
Пусть только радости лужайка будет шире.
Садись росой на луг зеленый в вечеру,
А по утрам вставай, всю ночь пробыв на пире.

192

Ты, счет ведущий всем делам земным,
Среди невежд будь мудрым, будь немым,
Чтоб сохранить глаза, язык и уши,
Прикинься здесь немым, слепым, глухим.

193

Уж лучше пить вино и пери обнимать,
Чем лицемерные поклоны отбивать.
Ты нам грозишь, муфтий, что пьяниц в ад погонят,
Кому ж тогда в раю за чашей пировать?

194

Ты полон бодрой силой, — пей вино,
С прекрасной милой — пей вино.
Мир этот бранный — темные руины.
Забудь, что есть и было, — пей вино.

195

Доколе быть в плену румян и благовоний,
За тленной красотой и мерзостью в погоне?
Будь родником Замзам, ключом Воды Живой,—
В свой срок ты скроешься в земном глубоком лоне.

196

Ста сердец и ста вер дороже чаша одна.
Всё китайское царство не стоит глотка вина.
Что еще есть на свете, кроме вина цвета лала? —
Только скорбь, что вся радость земли усладить не вольна.

197

В час, когда увлажнятся тюльпаны вечерних полей
И фиалки наклонятся, став от росы тяжелей,—
Только те мне по нраву цветы, что от сырости ночи
Подбирают ревнивые полы одежды своей.

198

С древа старости желтый последний слетает листок,
Посинели гранаты увядших и сморщенных щек.
Крыша, дверь и четыре подпорки стены бытия
Угрожают паденьем. Настал разрушения срок.

199

Напрасно не скорби о бывшем дне,
Не думай о ненаступившем дне.
Не расточай свой век, живи сегодня
Вот в этом — небо озарившем дне.

200

Я не был трезв ни дня, я не таю.
 Я опьянен всегда; в ночь Кадр* я пью,
 Уста — к устам фиала; до рассвета
 Рукою шею хума обовью.

201

Ты не бываешь пьяным? Но пьяных не упрекай!
 Ты не живи обманом, низостей не совершай!
 Ты предо мной возгордился тем, что вином не упился?
 Трезв ты, но полон скверны, и скверна бьет через край!

202

Пей вино, лишь оно одно забвенью тебе принесет,
 Душу врага лишь оно смятением потрясет.
 Что пользы в трезвости? Трезвость — источник мыслей бесплодных.
 Все в этом мире — смертны, и всё бесследно пройдет.

203

О избранный, к словам моим склонись,
 Непостоянства неба не страшись!
 Смиренно сядь в углу довольства малым,
 В игру судьбы вниманьем углубись!

204

Мы дервишеским рубищем жбан затыкали,
 Омовень землю трушоб совершали.
 Может быть и отыщем в пыли погребка
 Жизнь, которую мы в погребках потеряли?!

205

Тайны мира, что я изложил в сокровенной тетради,
От людей утаил я, своей безопасности ради.
Никому не могу рассказать, что скрываю в душе,
Слишком много невежд в этом злом человеческом стаде.

206

Я пред тобою лишь не потаюсь,—
Своей великой тайной поделюсь;
Любя тебя, я в прах сойду могильный,
И для тебя из праха поднимусь!

207

Ты алчность укроти, собой живи,
К делам судьбы презрение яви!
Промчится быстро век твой пятидневный.
Вину предайся, песням и любви!

208

Хоть этот мир лишь для тебя, ты мыслишь, сотворен,
Не полагайся на него, будь сердцем умудрен.
Ведь много до тебя людей пришло — ушло навек;
Возьми свое, пока ты сам на казнь не уведен.

209

Когда совершается все не по нашим желаньям,
Что пользы всю жизнь предаваться напрасным страданьям?
Мы вечно в печали сидим, размышляя о том,
Что поздний приход увенчается скорым прощаньем.

210

Не холоден, не жарок день чудесный.
Цветы лугов обрызгал дождь небесный.
И соловей поет — мы будем пить! —
Склоняясь к розе смуглой и прелестной.

211

Скажи: кто не покрыл себя грехами,
Ты, добрыми прославленный делами?
Я зло творю, ты воздаешь мне злом,—
Скажи мне: в чем различье между нами?

212

Пресытился я жизнью своей — исполненной суеты,
Пресытился бедами и нищетой! О господи, если ты
Вывел из небытия бытие, то выведи и меня —
Во имя твоего бытия — из горестной нищеты!

213

Ты — творец, и таким, как я есть, — я тобой сотворен.
Я в вино золотое, и в струны, и в песни влюблен.
В дни творенья таким ты создать и задумал меня.
Так за что же теперь я в геенне гореть обречен?

214

Встань, не тужи! Что печалью о бренном томиться?
К нам приходи, чтоб за чашею повеселиться.
Если бы нравом судьба постоянна была,
То и тебе никогда не пришлось бы родиться.

215

Тщетно тужить — не найдешь бесполезней забот,
 Сеял и жал поколенья до нас небосвод.
 Кубок налей мне скреет! Подай мне его!
 Всѣ, что случилось,— давно решено наперед.

216

О боже! Милосердьем ты велик!
 За что ж из рая изгнан бунтовщик?
 Нет милости — прощать рабов покорных,—
 Прости меня, чей бунтом полон крик!

217

Считай хоть семь небес, хоть восемь над землей,—
 Ведь не изменит их движенья разум твой.
 Раз нужно умереть, не все ль равно: в гробнице
 Съест муравей тебя, иль волк в глуши степной.

218

Виночерпий! Что делать мне с сердцем моим?
 Мертвым лучше в могиле, спокойнее им.
 Сколько раз я ни каялся, сколько ни плакал —
 Все грешу! Очевидно, я — несправим,

219

Если хочешь, чтоб крепкой была бытия основа
 И хотя бы два дня провести без унынья злого,
 Никогда не чуждайся веселья и пей всегда,
 Чтоб успеть все улады испить из фиала земного.

220

Мирские тревоги — смертельный яд, чаша — противоядие его.
 Блажен, кто противоядие пьет, не страшен гибельный яд для него!
 С юными пери пей вино на свежем ковре зеленой травы
 Во все свои дни, покамест трава из праха не выросла твоего.

221

Будь решительным! От обрядов пустых отказаться пора давно,
 Не скупись, делись и с другими тем, что тебе судьбою дано.
 В этом мире не покушайся на жизнь и достаток бедных людей.
 Гловой отвечаю — ты будешь в раю. Так проворней носи вино!

222

Деяньями этого мира разум мой сокрушен,
 Мой плащ на груди разодран, ручьями слез орошен.
 Фиал головы поникшей познания вином не наполнить,—
 Нельзя ведь сосуд наполнить, когда опрокинут он.

223

Внимаю я твоим укорам, как слову злобного навета,—
 Безбожником меня зовешь ты, гулякой, поношеньем света.
 Я признаю: ты прав, я грешен, но на себя взгляни сначала,
 Скажи по правде: ты мне разве достоин говорить все это?

224

Из мира праведного дух, не оскверненный дольным прахом,
 К тебе явился. Встань пред ним с улыбкою, а не со страхом,
 И чашу утренним вином для гостя доверху налей,
 Чтоб молвил он: «Да будет день счастливый дан тебе аллахом!»

225

Вновь из тучи над лугом слезы молча текут.
Без вина в этом мире мудрецы не живут.
Стебли тонких травинок мы видим сейчас,
Кто ж увидит травинки, что из нас прорастут?

226

Что будущей занят ты судьбой,
Терзаешься бессмысленной борьбой?
Живи беспечно, весело. Вначале
Не посоветовались ведь с тобой.

227

Когда б я был творцом — владыкой мироздания,
Я небо древнее низверг бы с основамя
И создал новое — такое, под которым
Вмиг исполнялись бы все добрые желанья.

228

О мудрый, утром раньше встань, когда кругом прохлада,
И погляди, как мальчик пыль взметает за оградой.
Ты добрый дай ему совет: «Потише! Не пыли!
Ведь эта пыль — Парвиза* прах и сердце Кей-Кубада.»

229

Жаждой вина огневого душа моя вечно полна,
Слуху потребны напевы флейт и рубаба струна.
Пусть после смерти кувшином я стану на круге гончарном, —
Лишь бы кувшин этот полон был чистым рубином вина.

230

Уж если в наше время разум и бесполезен, и вредит,
И все дары судьба невежде и неразумному дарит,
Дай чашу мне, что похищает мой разум; пусть я поглупею—
И на меня судьба, быть может, взор благосклонный обратит.

231

Сказала роза: «Я Юсуф египетский* среди лугов,
Как драгоценный лал в венце из золота и жемчуга.»
Сказал я: «Если ты — Юсуф, примета где?» А роза мне:
«Взгляни на кровь моих одежд и все ты сам поймешь без слов.»

232

Я с вином и возлюбленной позабыл и нужду и труды,
Я не жду милосердия, до судилища нет мне нужды.
Отдал душу и сердце я и одежду в залог за вино,—
Я свободен от воздуха, от земли, и огня, и воды.

233

Все, что есть — только вымысел, сном улетает,
И не избранный тот, кто о том не узнает.
Сядь, испей эту чашу и развеселись!
Пусть тебя сожаленье потом не терзает,

234

Жизнь, как роспись стенная, тобой создана,
Но картина нелепостей странных полна.
Не могу я быть лучше! Ты сам в своем тигле
Сплав мой создал; тобою мне форма дана.

235

Лучше уж выпить глоток вина, чем царство завоевать!
 Мудрый, всего, что не есть вино, старайся здесь избегать,
 Чаша одна превыше в сто раз, чем Фаридунов* престол,
 Не захочу я винный кувшин на венец Хосрова сменять.

236

Ты склонен давать объяснения различным приметам,—
 О чем так тревожно петух голосит пред рассветом?
 Он в зеркале утра увидел: еще одна ночь
 Ушла невозвратно. А ты и не ведал об этом?

237

Те трое — в глупости своей неимоверной —
 Себя светилами познания чтут наверно.
 Ты с ними будь ослом. Для этих трех ослов
 Кто вовсе не осел — тот, стало быть, неверный.

238

Кувшин мой был прежде влюбленным, все муки мои он познал,
 Кудрей завитками плененный, как я, от любви изнывал,
 А ручка на шее кувшина — наверно, когда-то была
 Рукою, которою шею возлюбленной он обнимал.

239

Я к ланитам, подобным розе весной, тянусь.
 Я к кувшину с вином и к чаше рукой тянусь.
 Прежде чем рассыплется в прах мой живой сосуд,
 Долю взять я от радости каждой земной тянусь.

240

Хайям, если ты вином опьянен,— благодарствуй судьбе,
Если с возлюбленной уединен,— благодарствуй судьбе,
Конец, истребленье — явлений всех завершенье,
Пока ты смертью не истреблен,— благодарствуй судьбе,

241

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потрать, пока ты жив;
Ведь все равно в тот мир предстанешь неимущим.

242

Ты бери свою долю из круговорота времен,
Восседай на престоле веселья, вином опьянен.
Нет заботы аллаху — покорны мы иль непокорны,
Здесь возьми свое счастье, вот — смертных извечный закон.

243

Во сне сказал мне пир:* «Покинь свою кровать,
Ведь розу радости нельзя во сне сорвать.
Ты, лежебок, все спишь, а сон подобен смерти.
Встань! Ведь потом века тебе придется спать!»

244

Долго ли мне тужить о том, что давно решено,
И хорошо ли прожить мне век мой судьбою дано?
Выдохну я этот вдох или нет — и сам я не знаю,
Ну, так скорей в эту чашу чистое лей мне вино!

245

Открой мне, боже, дверь твоих щедрот,
Дай хлеб и всё, чем дольний прах живет,
И до беспамятства мне дай упиться,
Чтоб никаких не ведал я забот.

246

Где б ни алел тюльпан и роза ни цвела,
Там прежде кровь царей земля в себя впила.
И где бы на земле ни выросла фиалка,
Знай — родинкой она красавицы была.

247

Чуть утром голубым блеснет просвет окна,
Кристалльный мой фиал налейте до полна.
Ведь люди говорят, что истина горька,
Не скрыта ль «Истина» и в горечи вина?

248

Зачем растить побег тоски и сожаленья?
Читай и изучай лишь книгу наслажденья,
Ты пей, и все свои желанья исполняй!
Ты знаешь сам давно, что жизнь — одно мгновенье.

249

Не будь беспечен на распустьях дней
И знай: судьба — разбойника страшней.
Судьба тебя халвою угощает,—
Не ешь: смертельный яд в халве у ней!

250

В обители о двух дверях, чем, смертный, ты обогащен?
Ты, сердце в муках истерзав, на расставанье обречен.
Поистине блажен лишь тот, кто в этот мир не приходил.
Блажен, кто матерью земной для жизни вовсе не рожден.

251

Смилуйся, боже, над сердцем моим, плененным земной суетой!
Смилуйся над многострадальной моей жизнью, тоской и тщетой!
Ноги прости мои! Это они в майхану уносят меня!
Смилуйся и над моею рукой, что тянется за пиалой!

252

Ты, мудрец, не слушай людей, что покорствовать небу велят.
Утешайся чистым вином, пусть красавицы радуют взгляд!
Приходившие в этот мир все ушли — один за другим.
И никто не видел нигде возвратившегося назад.

253

О живущий в плену четырех стихий и семи планет!
Ты — игралище их, ты влачишь ярмо вереницы лет.
Пей вино! Ведь я тысячу раз тебе повторял
Коль уйдешь, то уйдешь навсегда — и возврата нет!

254

Здесь каждая пылинка праха, что к ночи на землю легла,
Была частицей тела пери, сияньем юного чела.
Пыль вытирая, осторожно касайся розовых ланит.
Ведь эта пыль благоуханным, быть может, локоном была.

255

Кувшин, в который наливают вино для грузчиков поденных,
Гончар лепил из плоти шахов, когда-то временем сраженных.
И эта глиняная чаша, что ходит по рукам гуляк,
Возникла из ланит румяных и уст красавиц погребенных.

256

Мы по желанью не живем ни дня,
Живи в веселье, злобу прочь гоня.
Общайся с мудрым,— ведь твоя основа —
Пыль, ветер, капля, искорка огня.

257

Жизнь печальна моя и дела не устроены.
Мне покоя — все меньше, а беды удвоены.
Восхвалите аллаха! — Без просьб и мольбы
Все мы пить из источника бед удостоены.

258

Судьбу того решили уж давно,
Кому в песках кручин плестись дано.
Сегодня выдумать предлог нетрудно,
А завтра — будет, как предreshено.

259

Пока в дорогу странствий не сберешься,— не выйдет ничего,
Пока слезами мук не обольешься,— не выйдет ничего,
О чем скорбишь? Покамест, как влюбленный,
Ты от себя совсем не отречешься,— не выйдет ничего!

260

Чуть алою розою ранняя вспыхнет весна,
Вели, мой кумир, чтобы в меру нам дали вина.
О гурнях и о чертогах, о рае и аде
Не думай, все — сказка, все — выдумка только одна.

261

Ведь каждая тайна — у мудрого в сердце и взоре
Скрываться должна, как Симург* среди Кафских нагорий.
От капли, попавшей в жемчужницу — жемчуг родится,
Но это есть таинство сердца глубокого моря.

262

Не была познания жажда чуждой сердца моего,
Мало тайн осталось в мире, не доступных для него.
Семьдесят два долгих года размышлял я дни и ночи,
Лишь теперь уразумел я, что не знаю ничего.

263

Ни зерна надежды на гумне пустом.
Мы с тобой уйдем, покинем сад и дом,
Серебро, вино и хлеб истрать с друзьями,
Или всё врагу достанется потом!

264

Мой враг меня философом нарек,—
Клевещет этот злобный человек!
Будь я философ, в эту область горя —
На муки, не пришел бы я вовек!

63

265

Нет облегченья от оков мирских,
Безрадостна пустыня дней моих,
Я долго у судьбы людской учился,
Но ловкачом не стал в делах земных.

266

Солнце розами я заслонить не могу,
Тайну сúdeб словами раскрыть не могу.
Из глубин размышлений я выловил жемчуг,
Но от страха его просверлить не могу.

267

Мы — основа веселья, мы — бедствия рудные горы.
Мы — насилия корень, мы — правды воздвигли опоры.
Низки мы и высоки, как ржавое зеркало, тусклы,
И, как чаша Джамшида, блистаем и радуем взоры.

268

Я не от бедности решил вино забыть,
Не в страхе, что начнут гулякою бранить.
Я для веселья пил. Ну, а теперь — другое:
Ты — в сердце у меня, и мне — не нужно пить.

269

Порой кто-нибудь идет напролом и нагло кричит: -- Это я!
Богатством кичится, звенит серебром и золотом блестит: -- Это я!
Но только делишки настроит на лад — и знатен, глядишь, и богат,
Как из засады подымется смерть и говорит: — Это я!

270

Я из пределов лжи решил сокрыться.
Здесь жить — лишь сердцем попусту томиться.
Пусть нашей смерти радуется тот,
Кто сам от смерти может защититься.

271

Будь весел! Чаянья твои определил — вчерашний день,
Себя от прежних просьб твоих освободил — вчерашний день.
С кем спорить? Ни о чем тебя не расспросил — вчерашний день
Что завтра сбудется с тобой — не приоткрыл вчерашний день.

272

Я для вина кувшин себе у гончара достал,
Пил из него. И вот кувшин мне тайну прошептал:
«Я шахом был, вино я пил из чаши золотой,
Теперь у пьяницы в руках кувшином винным стал!»

273

Когда б сорвал я плод надежд, о жизнь, с твоих ветвей,
То, верно, отыскал бы нить клубка судьбы своей.
Доколь кричать о тесноте темницы бытия,
Томиться — и к небытию не находить дверей?

274

Когда б небеса справедливо вершили дела,
Всленням неба не молкла бы в мире хвала.
Когда б от судьбы справедливость и милость явилась,
Ничья бы душа и в обиде тогда не была.

275

Загадок вечных бытия едва ль откроешь ты ответ.
Течения мысли мудрецов ты не постигнешь за сто лет.
Вставай— и на лугу с вином свой рай отрадный создавай!
Кто знает: попадешь в эдем ты после смерти, или нет?

276

Море сей жизни возникло из сокровенных сил,
Жемчуг раскрытия тайны никто еще не просверлил.
Толк свой у каждого века — по знанию и пониманью,
Истинной сути творенья никто еще не объяснил.

277

О кумир в сиянье красоты живом,
Встань, подай скорее нам кувшин с вином.
В светлом опьяненье разрешим сомненья,
Прежде чем мы сами на кувшин пойдем.

278

Одних приводят, других похищают,
Куда, откуда? — Не сообщают.
Все — тьма. Лишь ясно: жизнь наша — чаша,
Которой в хуме вино измеряют.

279

Изнемогаю я, плачу, не осушая глаз,
А ты в наслажденьях тонешь, ты радостен в этот час.
Но ты не кичись предо мною! — Вращение небосвода
Таит неожиданного много за темной завесой от нас.

280

Душой, перенесшей страданья, свобода обретена.
 Пусть капля томится в темнице — становится перлом она.
 Не плачь: если ты разорился, богатство еще возвратится,
 Пускай опорожнена чаша — опять она будет полна.

281

От бездны мрачного Надира* до кульминации Кейвана
 Я разрешил загадки мира, трудясь над ними неустанно.
 Труднейшие узлы вселенной распутал я проникновенно,
 И лишь узла простого — смерти — не развязал я, — вот что
странно.

282

Коль растет из корня счастья вечной ветви торжество,
 Если жизнь одеждой тесной стала тела твоего,
 Не надейся на телесный, на походный свой шатер,
 Ибо слабы все четыре древних колышка его.

283

Гонит меня по пятам судьба на пути роковом,
 Каждое дело мое дурным завершает концом,
 В путь снарядилась душа, пожитки свои собрала,
 Молвила: «Негде мне жить, убогий мой рушится дом!»

284

Ты прежде мог не спать, не пить, не насыщаться,
 Стихии в том тебя заставили нуждаться.
 Но всё, что дали, — вновь отнимут у тебя,
 Дабы свободным ты, как прежде, мог остаться,

285

Исчезнет всё. Глядишь, в руках осталось веянье одно.
На истребленье и распад всё сущее обречено.
Считай, что сущее теперь не существует на земле,
Есть то, что навсегда ушло и что еще не рождено.

286

Никто не победил грозящей силы неба
И не насытился навек дарами хлеба.
Кичишься рано ты, что цел и невредим,—
Еще съедят тебя, когда придет потреба.

287

Яздан премудрый ноги нам и руки крепкие дает,
Хранимый им, твой лютый враг в довольстве, в радости живет,
Пусть фляга винная моя исламом не освящена,—
Из тыквы сделана она, а тыква — разрешенный плод.

288

Коль на день у тебя одна лепешка есть
И в силах ты кувшин воды себе принести,
Что за нужда тебе презренным подчиняться
И низким угождать, свою теряя честь?

289

Око, если ты не слепо, видишь ряд надгробий старинных!
Этот мир, соблазна полный, топит все в смятенных пучинах.
Полководцы, падишахи в землю темную погрузились.
Видишь эги луны-лики в жадных челюстях муравьиных!

290

До коих пор тебе пред низким склоняться головой?
Зачем ты кружишься, как муха, над пищей даровой?
Ешь за два дня одну лепешку, добытую трудом!
Питаться кровью сердца лучше, чем хлеб вкушать чужой.

291

Доволен ворон костью на обед,
Ты ж — прихлебатель низких столько лет!..
Воистину свой хлеб ячменный лучше,
Чем на пиру презренного — шербет,

292

Давно меж мудрецами спор идет —
Который путь к познанию ведет?
Боюсь, что крик раздастся: «Эй, невежды,
Путь истинный — не этот и не тот!»

293

Этот свод голубой и таз на нем золотой
Долго будет кружиться еще над земной суетой.
Мы — незваные гости — пришли мы на краткое время,
Вслед кому-то — пришли мы, пред кем-то — уйдем чередой.

294

Мир и жизнь, и светил и созвездий движенье
Я сравнил со светильником воображенья.
Мир — лампада, а солнце в нем — лен возожженный,
Мы в нем — тени мятущейся изображенья.

69

295

Что пользы миру от того, что в мир внесли меня,
 И что он потерял — скажи — как погребли меня?
 Ни от кого я никогда ответа не слышал,—
 Зачем родили? И зачем прочь увели меня?

296

Мир для страданий породил меня,
 Печалью жизни отягчил меня.
 Ушел я с отвращеньем. И не знаю —
 К чему?.. Зачем он воплотил меня?

297

Не знаю тайны я вращения небосвода,
 Лишь за невзгодою меня гнетет невзгода.
 Смотрю на жизнь свою и вижу: жизнь — прошла,
 Что дальше будет? — тьма, и нет из тьмы исхода.

298

Коль есть у тебя скакун твой Бурак, способный достигнуть
 вечных высот,
 Не обольщайся тем, что сейчас двухдневное счастье тебе
 принесет.
 Небо — горбатый насильник — не спит, правым оно и непра-
 вым грозит:
 Сегодня оно разбило кувшин, а завтра и чашу твою разобьет.

299

Как много нашей крови пролил бессудный этот небосвод,
 Цветок ли расцветет,— дохнет он и начисто его сметет.
 О юноша, не обольщайся цветеньем юности мгновенной,
 Повеет стужей и бутоны он нераскрытые уьет.

300

Насильник-небосвод над миром вознесен,
Узла твоих обид — знай — не развяжет он.
Он видит — грудь твоя зияет раной скорби,
Второй его прицел — туда же устремлен.

301

Будь волен я — зачем мне приходить?
Будь волен я — зачем мне уходить?
Не лучше ль было бы — в руины эти
Не приходить.— Не уходить, не жить.

302

Ты, небосвод, не устроил дел моих трудных земных,
Слов от тебя я не слышал ласковых и простых.
Радостно и свободно я не вздохнул ни разу,
Чтоб не открылись тотчас же двери напастей моих.

303

Небо! Твоими веленьями я не доволен.
Я не достоин оков твоих, слаб я и болен.
Ты благосклонно к безумным и неблагоприятным?
Так погляди: я безумен, в себе я не волен!

304

Не убивай меня, небо, в своем опьяненье!
Видишь величье мое и твое униженье!
Из-за моей нищеты и вседневных скорбей
Проклял я сам этой жизни постыдной томленья!

305

Эй, небосвод неразумный! Хоть властен ты в каждой судьбе —
 Ты благородным сердцам не помощник в суровой борьбе.
 Ты не мужам посылаешь сокровища и жемчуга,
 А мужеложцам презренным... Честь же и слава тебе!

306

Защитник подлых — подлый небосвод
 Свой путь стезей неправедной ведет.
 Кто благороден — подл пред ним сегодня,
 Кто подл — сегодня благороден тот.

307

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
 Ты бегодне целый день подвергаешь меня.
 Город заставишь обегать за черствый кусок,
 Грязью за чашку воды обливаешь меня.

308

Небо! Вечно в сражении ты и в борьбе со мной,
 Для других ты бальзам, для меня же недуг ты злой.
 Долгий прожил я век, примириться хотел с тобою,
 Всё напрасно! — Опять на меня ты идешь войной!

309

Если небо враждою опять не повеет,— не чудо ли?
 Не повет нас камнями, как рассвирепеет,— не чудо ли?
 Если кадий*, достоинство, честь на вино променяв,
 Банг* у вас в медресе не посеет,— не чудо ли?

310

Если небо враждует со мной,— я готов на бой.
Доброй славы лишен,—я готов на позор любой.
Кубок полон рубиновоцветным пенным вином...
Ты готов ли? Невидимый меч занесен над тобой!

311

Ты благ мирских не становись рабом,
Связь разорви с судьбой — с добром и злом.
Будь весел в этот миг. Ведь купол звездный —
Он тоже рухнет. Не забудь о том,

312

Эмиром делает меня, несет мне чашу небосвод,
А завтра словно с чеснока, с меня и рубище сдерет.
Но не взываю я к нему: «Зачем, о небо, почему?»
Я поседел в ярме забот... О чем скорбеть? Ведь все пройдет,

313

В саду планет, что круг извечный свой вращают,
Два рода смертных, знай, плоды судьбы вкушают!
Те, кто познали всё — и доброе и злое,
И те, кто ни себя, ни дел мирских не знают,

314

Шепнуло небо тайно мне в минуту вещего прозренья:
«Веленья гневные судьбы, ты думаешь, мои веленья?
Когда бы властно было я во всех деяньях бытия,
Я прекратило бы давно свое бесцельное круженье!»

315

Не исполняет желаний моих небосвод.
Вести от друга напрасно душа моя ждет.
Светлый Яздан нас дозволенным не одаряет,
Дьявол же и недозволенного не дает.

316

Ведь эти два-три дня — сужденных для меня —
Промчатся, будто вихрь, пустынный прах гоня.
Но я — пока дышу — не стану пить осадка
Ни дня минувшего, ни будущего дня!

317

Звездный купол — не кровля покоя сердец,
Не для счастья воздвиг это небо творец.
Смерть в любое мгновение мне угрожает.
В чем же польза творенья? — Ответ, наконец!

318

Отныне горечи вселенной не стану я вкушать,
С вином пунцовым в чаше пенной не стану слез мешать.
Вино зовем мы кровью мира, мир — кровопийца наш,
Неужто кровника-убийцы нам крови не желать?

319

О мой шах, без певцов и пиров, и без чаши вина
Для меня нетерпима цветущая, в розах, весна.
Лучше рая, бессмертья, и гурий, и влаги Кавсара*
Сад, и чаша вина, и красавицы песнь, и струна.

320

Если хочешь покоиться в неге блаженной
И у ног своих мир этот видеть надменный,
Перейди в мою веру, учись у меня,—
Пей вино, но не пей эту горечь вселенной!

321

Кем, душа моя, ты взрашена — в вертограде каком?
Ты, являясь, луну затмеваешь на небе ночном.
Свои лица для пира украшают красавицы мира,
Все пиры на земле ты одна украшаешь лицом!

322

Как тюльпан, пламеней! До краев свою чашу налей,
И с тюльпаноланитной вино свое в радости пей!
Ибо завтра, быть может, внезапно горбун этот старый,
Превратив тебя в прах, наглумится над перстью твоей.

323

Снова в сад прилетел соловей, улетевший давно,
Видит — розу в цвету и в смеющейся чаше — вино.
Прилетел и на тайном наречье мне звонко прощелкал:
«Ты пойми: что ушло, никому воротить не дано!»

324

Вино — это крылья влюбленных, исполненных пыла.
Вино — это роза и блеск на ланитах у милой.
Мы не пили в дни Рамадана*. И он миновал...
Скорее 6 Шаввала* прекрасная ночь наступила!

825

Радуйся! Снова нам праздник отрадный настал!
Стол серебром, хрусталем и вином заблестал.
На небе месяц поблек, исхудал и согнулся,
Будто он сам от пиров непрерывных устал.

826

О друг, наступает веселое время пиров,
Кувшины наполнить вином виночерпий готов.
Ошейник поста и узда лицемерных намазов
Спадают с заливка и морды у этих ослов.

327

До коих пор унижений позор терпеть от низких людей?
Доколе гнет столетья сносить, что прежних столетий подлей?
Будь радостным, друг, ведь пост миновал и снова праздник настал,
Давай же рубиновое вино и чаши скорей налей!

328

Мы розы превратим в вино, дадим живой хмельной огонь им.
Под стоны чанга, пенье флейт печаль сердечную прогоним.
С возлюбленной, чей легок дух, в веселье сердца посидим,
Кувшина два иль три вина сквозь тяжкий камень перегоним.

329

Заря рассвета занялась, завеса тьмы разорвалась.
Утешься утренним вином, от скорби темной отыраешься!
Пей, друг, сейчас! И после нас заря займется много раз,
Но не увидим мы ее, во тьму навеки погрузясь,

330

Снова утро! Друг, наполни чашу розовым вином,
 Выпьем всё, бутылки чести и позора разобьем.
 От надежд напрасных, долгих, руки мы свои отнимем,
 Косы длинные любимых, струны в руки мы возьмем.

331

Чуть розы станут чашами с вином,
 Нарцисс от жажды полнится огнем.
 Блаженно сердце в том, кто, упоенный,
 У двери кабака лежит пластом.

332

Ныне, когда коварства полна, смеется она над сердцами
 влюбленных,
 Кроме рубинового вина не бери ничего из рук опьяненных.
 Роза от радости расцвела. Встань и приди, она тебя ждет.
 В эти три дня в бустане возьмем всё, что растет для смертно-
 рожденных.

333

В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу
 И нарушу святой шарият*, и святош возмущу.
 В сонме юных красавиц весны зеленеющий луг
 Я в тюльпановый ярко-багряный цветник превращу.

334

Дождем Навруза увлажнилось поле.
 Из сердца прочь гони и скорбь и боли.
 Пируй теперь! Из праха твоего
 В грядущем зелень вырастет — не боле.

335

Коль есть красавица, вино и чанга звон,
И берег над ручьем ветвями осенен,
Не надо лучшего, пусть мир зовется адом.
И если есть эдем, поверь, не лучше он!

336

В дни цветения розы, над потоком, в просторах полей,
Средь смеющихся гурий вино свее в радости пей,
Принеси нам фиалы! Ведь пьющие утром вино
Не тоскуют о рае, не боятся и адских огней.

337

Когда фиалки льют благоуханье
И веет ветра вешнего дыханье,
Мудрец — кто пьет с возлюбленной вино,
Разбив о камень чашу покаянья.

338

Расстилатель ковров — служит ветер весны нам сегодня.
Без вина и цветов все миры не нужны нам сегодня.
Всею общиной пейте сегодня вино, мудрецы!
Кровь лозы и сокровище розы даны нам сегодня.

339

Утро сыплет из облака розовые лепестки,
Будто на землю сыплются розы из чьей-то руки.
Чашу лилии розовым я наполняю вином,
Ибо с неба жасмины слетают на берег реки,

340

Путями поисков ты, разум мой, идешь
 И по сту раз на дню твердить не устаешь:
 «Цени мгновение общения с друзьями!
 Ты — луг, но скошенный,— опять не прорастешь!»

341

Подражанье, повторенье — мира этого дела.
 Если бы не повторенье, жизнь бы праздником была,—
 Награждались бы старанья, исполнялись бы желанья,
 А возмездия угроза бесполезная спала,

342

Приемли, что дает круговорот времен,
 И с полной чашею, как шах, садись на трон,
 Бунт и покорность — прах перед лицом аллаха,—
 Испей же твой фиал, что миром поднесен!

343

Жизнь твою режут острой косою ночи и дни.
 Но не владычат пусть над тобой ночи и дни!
 С полною чашей радуйся, пой — ночи и дни.
 Смертен ты. Вечной идут чередой ночи и дни.

344

Опять, как в пору юности моей,
 Наполню чашу, ибо счастье в ней.
 Не удивляйтесь, что горчит вино,
 В нем горечь всех моих минувших дней.

345

Пей вино! В нем источник бессмертья и света,
В нем — цветенье весны и минувшие лета.
Будь мгновенье счастлив средь цветов и друзей,
Ибо жизнь заключилась в мгновение это.

346

Руины прошлого размыл разлив. И краше —
С краями полная — блистает жизни чаша.
Не будь беспечным, друг. Судьба, как тать в ночи,
Придет и унесет пожитки жизни нашей.

347

Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана —
Но всё равно она обречена,
Будь ты халиф, или базарный нищий,
В конечном счете — всем одна цена.

348

Мир — мгновенье, и я в нем — мгновенье одно.
Сколько вздохов мне сделать за миг суждено?
Будь же весел, живой! Это брэнное зданье
Никому во владенье навек не дано.

349

Друг, не тревожься, удел свой вверяя судьбе,
И не горюй о потерях в напрасной борьбе,
Ибо когда разорвется каба* твоей жизни,—
Что не сбылось, что сбылось — безразлично тебе.

350

Доколе быть рабом своих алканий
И поисков напрасных, и страданий?
Уйдем и мы, как все ушли до нас
И не исполнили своих желаний.

351

Пусть сердце мир себе державой требует
И вечной жизни с вечной славой требует.
А смерть наводит лук — и от него
Всей жизни жертвою кровавой требует.

352

В чертоге том, где пировал Бахрам,
Теперь прибежище пустынным львам.
Бахрам, ловивший каждый день онагров,
Был, как онагр, пещерой пойман сам.

353

В чертогах, где цари вершили суд,
Теперь колючки пыльные растут.
И с башни одинокая кукушка
Зывает горестно: «Кто тут? Кто тут?»

354

Мы не надолго в этот мир пришли
И слезы, скорбь и горе обрели.
Мы наших бед узла не разрешили,
Ушли — и горечь в душах унесли.

355

Всё не по-нашему свершается кругом,
Недостижима цель в скитании земном.
И в думах горестных сидим на перепутье —
Что поздно мы пришли, что рано мы уйдем.

356

Жизнь — то шербет на льду, а то — отстой вина.
Плоть брeнная в парчу, в тряпье ль облачена —
Всё это мудрецу, поверьте, безразлично,
Но горько сознавать, что жизнь обречена.

357

Всё, что ты в мире изучил,— ничто,
Всё, что слышал и говорил,— ничто,
И всё, чему свидетель был,— ничто,
Всё, что так дорого купил,— ничто.

358

О, долго в мире нас не будет,— а мир пребудет.
Умрем; века наш след остудят,— а мир пребудет.
Как не было нас до рожденья, так без изъяна
Уйдем, и всяк про нас забудет...— А мир пребудет.

359

Как странник, павший в солонцах без сил,
Ждет, чтоб конец мученьям наступил,
Так счастлив тот, кто рано мир покинул;
Блажен, кто вовсе в мир не приходил.

360

Мы умираем раз и навсегда.
Страшна не смерть, а смертная страда.
Коль этот глины ком и капля крови
Исчезнут вдруг — не велика беда.

361

Когда твой светлый дух покинет тело,
Иной хозяин в дом твой вступит смело.
Но не узнать ему, что стало с тем,
Что жизнью, страстью, мыслью пламенело.

362

На лоне праха сонмы спящих вижу,
Под каменной плитой лежащих вижу.
Чреду теней ушедших невозвратно,
На эту землю не глядящих вижу.

363

Будь весел! Не навек твоя пора,—
Пройдет сегодня, как прошла вчера.
И эти чаши-лбы вельмож надменных
Окажутся в месильне гончара.

364

Где сонмы пировавших здесь до нас?
Где розы алых уст, нарциссы глаз?
Спеши, покамест плоть не стала прахом,
Как прах твой плотью раньше был сто раз.

365

Не сетуй! Не навек юдоль скорбей,
И есть в веках предел вселенной всей.
Твой прах на кирпичи пойдет и станет
Стеною дома будущих людей.

366

Росток мой — от воды небытия,
От пламени скорбей — душа моя,
Как ветер, я кружу, ишу по свету —
Где прах, в который превратился я.

367

В степи безлюдной каждый куст бурьяна
Кудрями был красавицы Турана,*
В зубцах твердыни был любой кирпич
Рукой вазира, головой султана.

368

Гончар, касайся глины осторожно.
Ты прах царей умерших мнешь безбожно:
Перст Фаридуна, сердце Кей-Хосрова
Забил в колодку! Разве это можно?

369

Я видел гончара в толпе людей.
Вращая колесо ногой своей,
Кувшины, чашки делал он проворно
Из праха нищих, из голов царей.

370

Я вчера гончара в мастерской увидел,
Долго, яростно глину он в чане топтал.
Словом тайн ему глина шептала: «Полегче!
Как бы завтра ты сам в этот чан не попал»,

371

Не буду часа ждать, когда умру,
Когда пойду на глину к гончару,
Пэка еще не стал я сам кувшином,
Кувшин вина я выпью по утрам.

372

Доколе разуму влечить ярмо вседневности мирской?
А вечность — миг и сто веков считает мерою одной.
Ты, друг, на чашу налегай до той поры, покамест сам
Не превратишься ты в кувшин в гончарной этой мастерской.

373

Доколь этот спор о мечетях, молитвах, постах,
О пьянстве запретном в убогих ночных погребках?
Ты выпей сегодня, Хайям, ибо мир превращает
То в чашу, то в хум и тебя, превращенного в прах.

374

Мир — свирепый ловец — к западне и приманке прибег,
Дичь поймал в западню и ее «Человеком» нарек.
В жизни зло и добро от него одного происходит,
Почему же зовется причиною зла человек?

375

В этот мир мы попали, как птицы в силос.
Здесь любой от гонений судьбы изнемог.
Бродим в этом кругу без дверей и без кровли,
Где никто своей цели достигнуть не мог.

376

Если некто, у нас не спросясь, наши судьбы предначертал,
Что же зло свое и добро нам с тобою он приписал?
Ведь вчерашний день был без нас, как и завтра будет без нас.
На каких же счетах всё зло он тебе и мне присчитал?

377

Скорбеть о скорби будущей доколе?
Поверь, не радостна провидцев доля.
Будь радостен, не тесен мир для сердца,
А изменить судьбу — не в нашей воле.

378

Не изменить того, что начертал калам.
Удела своего не увеличить нам.
Не подвергай себя тоске и сожаленьям.
От них напрасное мучение сердцам.

379

Пусть буду я сто лет гореть в огне,
Не страшен ад, приснившийся во сне;
Мне страшен хор невежд неблагородных.—
Беседа с ними хуже смерти мне.

380

Друг, два понятия должен бы ты затвердить:
Это разумней, чем спорить, внимать, говорить! —
Лучше не есть ничего, чем есть что попало,
Лучше быть одиноким, чем с кем попало дружить.

381

Где вы, друзья, враги, где пери, дивы,
Где грусть и радость прошлого? — Ушли вы.
Так радуйтесь тому, что нам дано.
Пройдет оно, чем мы сегодня живы.

382

Душа ни тайн вселенной не познала,
Ни отдаленной цели, ни начала.
В своем сегодня радость находи,
Ведь не веротишь то, что миновало.

383

Будь радостен, напрасно не грусти,
Будь правым на неправедном пути.
И коль в конце — ничто, сбрось вьюк заботы,
Чтобы стезю свою легко пройти.

384

Слезами омываясь в день трикраты,
Доколе будешь сам терзать себя ты?
Пируй сегодня, пой и пей вино,
Пока не разомкнется круг заклятый!

385

Кто пол-лепешки в день себе найдет,
Кто угол для ночлега обретет,
Кто не имеет слуг и сам не служит —
Счастливец тот, он хорошо живет.

386

Не тяготись, заботой жизнь губя,
Одно серебро и золото возлюбя!
Пока ты жив, казну проешь с друзьями,
Умрешь — твой враг все съест после тебя.

387

Для назначенья высшего ты годен,—
От рабской ноши жизни стань свободен!
На пире каландаров* пей вино,
Будь светел духом, сердцем благороден.

388

Доколе быть рабом румян и благовоний?
Доколь томить себя напрасною погоней?
Потоком яда будь, ручьем Воды Живой —
Исчезнешь всё равно в земном глубоком лоне.

389

Хотя мудреца не прельстишь никакою казной,
Но мир без динаров подобен темнице глухой.
Фиалка поникла от бедности горькой, а роза
Цветет, улыбаясь раскрытой мощне золотой.

390

Планеты — жители небесного айвана*,
 В сомненья ставят нас: мы ищем в них изъяна.
 Не спи, о звездочет, хоть сам Он изумлен,
 Кто запетлил пути планет, как будто спяна.

391

Нас Четверо* заставили страдать,
 Внедрили в нас потребность — есть и спать.
 Но, лишены всего, к первоначалу —
 В небытие вернемся мы опять.

392

В мечетях, в храмах, в капищах богов
 Боятся ада, ищут райских снов.
 Но тот, кто сведущ в таинствах творенья,
 Не сеял в сердце этих сорняков.

393

К устату-старцу в детстве мы ходили
 И мудрости потом глупцов учили.
 Что с нами стало? — Вышли мы из праха.
 И тучей праха по ветру уплыли.

394

От неверия до веры расстояние — вздох один.
 От сомненья и исканья до познания — вздох один.
 Проведи в веселье это драгоценное мгновенье,
 Ибо наш расцвет и наше увяданье — вздох один.

395

Кровь влюбленных не лей, их живые сердца пожалей.
Лучше кающихся, как опасных безумцев, убей,
Лучше кровь этих тысяч от мира ушедших аскетов
Ты железом пролей, но ни капли вина не пролей.

396

Живи среди мужей разумных и свободных,
Страшись, беги лжецов и душ неблагородных,
И лучше яд испей из чаши мудреца,
Чем жизненный бальзам из рук людей негодных.

397

Будь весел в эти мгновенья, в которые ты живешь,
Люби луноликих красавиц, чей стан с кипарисом схож.
Поскольку ты здесь не вечен, старайся стать совершенным
И радуйся, если в мире друзей совершенных найдешь.

398

Шел в кабаки я, тепла в сердце веру чистую одну,
Что зуннаром светлых магов там свой стан я затыну.
Там я так вином упился, что служитель харабата*
Выбросил мои пожитки, после вымыл майхану.

399

Пока медресе и мечети во прах не падут,
Дела мудрецов-каландаров на лад не пойдут.
Покамест неверием вера, а верой неверье не станут.—
Поверь мне,— средь божьих рабов мусульман не найдут.

400

Шел пьяный старец в злачные места,
 В руках кувшин, хулу рекут уста.
 Спросил я: «Шейх почтенный, что случилось?» —
 «Пей! — он сказал, — все в мире — суета!»

401

Горе сердцу, не воспламененному страстью живой,
 Не плененному голосом пери, ее красотой.
 День, когда без вина, по вине ли, ты не пил вина, —
 Прокляни этот день, ибо день этот — самый пустой.

402

В харабате, в обители чистых душою мужей,
 Я сидел средь кумиров весеннего утра свежей.
 Виночерпий с кувшином в руке и певец возглашали:
 «Все пройдет! Не на век нам даны эти несколько дней!»

403

Вино дано мне, музыка и пенье.
 Что есть, что будет — все добыча тленья.
 Не знаю я ни трезвости, ни пьянства,
 Мне дар от двух миров — одно мгновенье.

404

Кравчий мой! Жизнь без вина и веселий — ничто.
 Пир без стенаний иракской свирели — ничто.
 Долго я мир изучал. — Но все у него,
 Кроме того, что взять мы успели, — ничто.

405

Пить вино, пировать во все дни — моя правая вера.
Я не стану примером безбожника иль изувера.
Я спросил: «Мне какой тебе мерой отмерить калым?»
А она: «Твое сердце веселое — вот моя мера».

406

Весна гласит, что розы расцвели.
О друг, вели, чтобы вино несли!
Не вспоминай об аде и о рае,
Недоверным слухам не внемли.

407

Когда нам пира в мире не дано,
Нам будет пиром чаша и вино.
Оно — наш друг, его живого жара
Течение Кавсара лишено,

408

Друг, твое вино питает существо мое живое.
Лик твой нежный мне сияет, словно солнце заревое.
Встань и дай мне на мгновенье замереть у ног твоих.
Смерть у ног твоих мне лучше сотни жизней старца Поя.

409

Чаша эта, что милый мне кравчий нальет, — моя вера.
В ней любовь, в ней — душа моя, в ней, слаще сот, — моя вера.
Коль опять винопитью запреты кладет моя вера,
В этой чаше глубокой пускай оживет — моя вера.

410

Почему стремиться к раю здесь должны мы непременно.
 Мой эдем — вино и кравчий, все иное в мире — тленно.
 Там, в раю,— вино и кравчий, здесь дано — вино и кравчий.
 Так пускай вино и кравчий в двух мирах царят бесменно.

411

О друг, нам время не подчинено,
 Нам не навечно бытие дано.
 Пока в руках мы держим наши чаши,—
 В руках мы держим истины зерно.

412

Радости сердце мое не познало — горе мешало,
 Лучших даров, чем вино, от обоих миров не вкушало.
 Дай мне, о кравчий, вина! Пусть оно мне вернет мою душу.
 Пусть мне дарует блаженство, что сердце месии познало.

413

О кравчий, старое вино — моя старинная любовь,
 Безгрешной дочери лозы живая, пламенная кровь.
 И пусть хулители гласят: «Не верит в бога тот, кто пьет».
 Я впрямь не верил ни во что. Сегодня пью — и верю вновь.

414

Сотрутся со скрижалей имена.
 Смерть всем живущим ныне суждена.
 О милый кравчий мой луноподобный!
 Пока мы живы — дай скорей вина.

415

Твой разум дел мирских не повернет,
Жизнь по твоим желаньям не пойдет,
Дашь иль не дашь вина — ты помни, кравчий,
Что все пройдет, все в бездне пропадет.

416

О, доколе сокрушаться, что из этой майханы
Ни конец мой, ни начало мне в тумане не видны.
Прежде, чем я в путь безвестный соберу свои пожитки,
Дай вина мне, милый кравчий! Пояснения не нужны.

417

Гостившие здесь прежде поколения
Дремали в грезах самообольщенья.
Садись и пей! Все речи мудрецов —
Пустынный прах и ветра дуновенье.

418

Свезает... Поскорей встань с ложа сна, о кравчий!
Пусть будет чаша мне тобой дана, о кравчий.
Покамест из меня не сделали кувшин,
Ты из кувшина мне налей вина, о кравчий.

419

О кравчий, блаженное утро за нашим окном.
Наполни мне чашу оставшимся с ночи вином.
Пить будем опять, возродим нашу прежнюю радость.
Все сгинет... Вместим же всю жизнь в этом миге одном!

420

Ты зачем вина остаток выплеснул из чаши друга?
Был бы тот глоток последний многим страждущим—услуга,
Бог свидетель — по ошибке называешь ты вином
Эликсир, бальзам целебный от сердечного недуга.

421

По утрам я слышу клики из окрестных кабаков:
«Эй, несчастный ринд безумный, завсегдатай погребков!
К нам иди! И пусть нам кравчий поживей наполнит чаши,
Прежде чем вином наполнят чаши наших черепов.»

422

Всех нас в харабате нашли, в майхану привели,
И чаши тюльпановоцветным вином расцвели.
Сказал я: «К вину хорошо бы кебаб на закуску!»
И сердце исторгли мое, и кебаб принесли.

423

Кроме вина, омовенье ничем в кабаке совершать невозможно,
Честь опозоренную ничем заставить блистать невозможно.
Развеселитесь, поздно грустить! Своего благочестья завесу
Так мы порвали, что рвани такой ничем залатать невозможно.

424

Вино мое — пища души, от вина я телесно здоров.
Мне тайну творенья в гиши вино открывает вновь.
Отныне меня не влечет ни этот мир, ни иной.
Здесь чаша вина для меня — превыше обоих миров.

95

425

Я так упьюсь, что всей хмельною силою
Дух винный встанет над моей могилой,
Чтоб опьянел бредущий мимо ринд,
Пропившийся, похмельный и унылый.

426

Без чаши с утра, без вина я жить не могу,
Без чаши я тело свое носить не могу.
Я пленник мгновенья, когда возглашает мне кравчий:
«Возьми еще чашу!» — а я уж и пить не могу.

427

Любовь — роковая беда, но беда — по воле аллаха.
Что ж вы порицаете то, что всегда — по воле аллаха.
Возникла и зла и добра череда — по воле аллаха.
За что же нам громы и пламя Суда — по воле аллаха?

428

Каждый, в ком пламенеет любовь без конца и без края,
В храме он иль в мечети, — но если, огнем изгорая,
Записал свое имя навеки он в Книге Любви,
Тот навеки свободен от ада, свободен от рая.

429

Да будет влюбленного сердце восторгом полно.
Да будет, позор презирая, безумным оно.
Я, трезвый, терзаюсь от мелочи каждой... А пьяный —
Я светел и трезв: будь, что будет — не все ли равно.

430

Кааба* и кабак — оковы рабства.
 Азон* и звон церковный — зовы рабства.
 Михраб, и храм, и четки, и кресты —
 На всем на этом знак суровый рабства.

431

Все дела моего бытия — восхваленье вина,
 Дом мой, келья моя — это храм прославления вина.
 О дервиш, если разум — твой пир, знай: он мой ученик
 На пиру у меня! В том моя, без сомненья, вина.

432

Не для веселости я пью вино,
 Не для распутства пить мне суждено.
 Нет, всё забыты Меня, как сам ты видишь,
 Пить заставляет это лишь одно.

433

Я буду пить, пока мой век во тьму не канет.
 Пусть прибыль всей земли мне разореньем станет.
 О ты, душа миров! Здесь в мире пьян я буду
 И в рай войду, когда мой дух тебе предстанет.

434

Источник Жизни Хызр нашел — была пора...
 И утолил я в нем душевный жар с утра.
 Источник тот — вино. Ведь сам аллах всевышний
 В короне возвестил! «Вкушайте! Майсара.»

435

Доколь, самовлюбленный ты глупец,
Терзаться будешь мукой всех сердец?
Жизнь проведи в блаженном опьяненье,—
Ведь неизбежен гибельный конец.

436

Зачем имам* нам проповедь долбит?
Ведь нам, как книга, небсвод открыт,
Пей, друг! Вино ничем незаменимо.
Оно любую трудность разрешит.

437

Видел утром я ринда; в пыли на земле он лежал,
На ислам, на безверье, на веру, на царства плевал.
Отрицал достоверность, творца, шариат, откровенье.
Нет! Бесстрашнее духа и в двух я мирах не встречал.

438

Ты пей, но крепко разума держись,
Вертепом варварства не становись.
Ты пей, но никого не обижай.
Ослаб — не пей, безумия страшись.

439

Сердцу было всегда от любви в груди моей тесно.
Целый век изучал я вращение сферы небесной,
Взглядом разума я озарил весь мой жизненный путь,
И теперь мне известно, что мне — ничего не известно.

440

На людей этих — жалких ослов — ты с презрением взгляни,
 Пусты, как барабаны, но заняты делом они.
 Если хочешь, чтоб все они пятки твои целовали,
 Наживи себе славу! Невольники славы они.

441

Глянь на вельмож в одеждах золотых,
 Им нет покоя из-за благ мирских.
 И тот, кто не охвачен жаждой власти,
 Не человек в кругу надменном их.

442

Я презираю лживых, лицемерных
 Молитвенников сих, ослов примерных.
 Они же, под завесой благочестья,
 Торгуют верой хуже всех неверных.

443

Вино прекрасно, пусть его клячет суровый шарият,
 Мне жизнь оно, коль от него ланиты милые горят.
 Оно горчит, запрещено — за то мне нравится оно,
 И в этом старом кабаке мне мило все, что запретят.

444

Ни на миг не свободен от гнета сознания,
 Я не радуюсь радостью существования.
 Я учился весь век, ник под бременем времени
 И отрекся, не вторгся в дела воспитанья.

445

Мы влюбленные, ринды, сегодня у нас торжество.
 Мы сидим в харабате, нам чаша вина — божество.
 От ума, и добра, и от зла мы сегодня свободны,
 Все мы вдребезги пьяны. Не требуй от нас ничего!

446

В дни поста — в Рамазане — вина пиалу я испил,
 Не сознательно я шарията закон преступил.
 От мучений поста этот день показался мне ночью.
 Мне казалось, рассвет наступил — я и пост разрешил,

447

В этом году в Рамазане цвет распустился в садах,
 И тяжелее оковы у разума на ногах.
 Если бы люди решили, что наступил Шаввал,
 Если бы запиروвали,— дай всемогущий аллах!

448

Корова в небе звездная — Парвин*,
 Другая — спит во тьме земных глубин.
 А сколько здесь ослов меж двух коров —
 Муж правды, это знаешь ты один.

449

Ты, который ушел и пришел со согбенным хребтом,
 Ты, чье имя забыто в мятущемся море людском,
 Стал ослом, твои ногти срослись, превратились в копыта,
 Борода твоя выросла сзади и стала хвостом,

450

Никому не могу мою тайну открыть,
И ни с кем не могу я о ней говорить.
Я в таком состоянье, что суть моей тайны
Никогда, никому не могу разъяснить.

451

Нет мне единомышленника в споре,
Мой вздох — один мой собеседник в горе.
Я плачу молча. Что ж, иль покорюсь,
Иль уплыву и скроюсь в этом море.

452

Я небосводом брошен на чужбину;
Что дал сперва, он отнял половину.
И я из края в край на склоне лет
Влачу, как цепи, горькую судьбину.

453

Я на чужбине сердцем изнываю,
Бреду без цели, горестно взываю.
Мне счастья жизнь не принесла, прошла...
И где застигнет смерть меня — не знаю.

454

Отрекусь от поста и пещер в этом мире земном.
Пусть я волосом бел, буду вечно дружить я с вином.
В чаше жизни моей семь десятков исполнилось вёсен,
Если мне не теперь пировать, то когда же потом?

455

И когда я, растоптан судьбой, не во сне — наяву —
 Корни прежней надежды на жизнь навсегда оторву,
 Вы из плоти Хайяма скудельный кувшин изваяйте,
 Пусть я в запахе винном на миг среди вас оживу.

456

Когда последний день придет ко мне
 И в прахе я почию, в вечном сне,
 Кирпич мне в изголовье положите,
 Чью глину замесите на вине.

457

Когда я умру, забудут тленный мой прах,
 А жизнь моя станет примером в чистых сердцах.
 Из сердца лоза прорастет, а из глины телесной
 Кувшин изваяют, чтоб радовал вас на прах.

458

Хайям, по примеру предков, шатры познаний шил,
 Но пламень в горниле горя в золу его превратил.
 Разрезали ножницы смерти основу его бытия,
 Ее у судьбы за бесценок маклак базарный купил.

459

Покамест ты жив — не обижай никого,
 Пламенем гнева не обжигай никого.
 Если ты хочешь вкусить покоя и мира,
 Вечно страдай, но не угнетай никого.

460

Небо, о друг, не продлит нам жизнь ни на час.
Радуйся ж! Не обливайся влагою глаз!
Пей вино с Луной при луне, ибо это Луна
Завтра, быть может, взойдя, не увидит нас.

461

Коран, что истиной у нас считают,
В пределах христиан не почитают.
В узоре чаши виден мне аят*,
Его наверняка везде читают!

462

Встань, милая! Дай мне вина! Вниманье мне яви!
Сегодня счастлив я с тобой, удел мой — путь любви.
Дай розового мне вина, как цвет твоих ланит.
Запутан мой, извилист путь, как локоны твои.

463

Сперва мой ум по небесам блуждал,
Скрижаль, калам, и рай, и ад искал.
Сказал мне разум: «Рай и ад — с тобою,—
Всё ты несешь в себе, чего алкал.»

464

Здесь мне — чаша вина и струна золотая.
В рай ты метишь, но это — приманка пустая.
Слов о рае и аде не слушай, мудрец!
Кто в аду побывал? Кто вернулся из рая?

103

465

Был мой приход — не по моей вине...
 И мой уход — не по моей вине.
 Встань, подпояшься, чашу дай мне, кравчий,
 Все скорби мира утопи в вине!

466

Знать, в этом мире правде не взрасти,—
 Нет справедливых на земном пути.
 Зови свой день сегодняшний вчерашним,
 День завтрашний ты первым днем сочти!

467

Веселья нет. Осталось мне название лишь веселья.
 И друга нет. Осталось мне лишь доброе похмелье.
 Не отнимай руки своей от полной пнялы!
 Нам остается только пить, иное всё — безделье.

468

Когда настанет срок и ты расстанешься с душой,
 Там — за завесой вечных тайн — увидишь мир иной...
 Пей, коль неведомо тебе — откуда ты пришел,
 Куда уйдешь потом и что там станется с тобой.

469

Пей вино, ибо долго проспишь ты в могиле твоей
 Без товарищей милых своих и сердечных друзей.
 Есть печальная тайна — другим ее не сообщай,—
 Что увядший тюльпан не раскроется среди полей.

470

Пей вино, оно уносит думы о богатстве и нужде,
 О семидесяти двух ученых, что суют свой нос везде.
 Эликсир таится в винной чаше. Ты его не избегай!
 Отхлебнув один глоток, забудешь о назойливой беде.

471

Дай мне вино! Оно одно — души израненной бальзам.
 В нем — исцеленье мук любви и утоление слезам.
 И дольний прах, где пролился фиал вина, дороже нам,
 Чем череп мира — небосвод, и чище, чем родник Замзам*,

472

«О нечестивец! — мне кричат мои враги,— не пей вина!
 Вино издревле — веры враг, и в том нам заповедь дана!»
 Они открыли мне глаза: когда вино — Ислама враг,
 Клянусь аллахом, буду пить! Ведь кровь врага разрешена.

473

С тех пор, как на небе зажглись Луна и светлая Зухра,
 Нам — смертным — высшее дано блаженство — пить вино с утра.
 Вино кабатчик продает, а сам — глупец — глотка не пьет,
 Источник счастья у него; какого ждать еще добра?

474

Зачем ты мне явил сперва великодушие и милость?
 Твое лицо передо мной, как солнце, ласкою лучилось...
 Так что же этот свет померк и в горе ты меня поверг?
 Не знаю — в чем моя вина! Молю — ответь мне: что случилось?

475

Строителя увидел я, что возводил жилье,
Ногами глину он топтал и унижал ее.
А глина молвила ему: «Полегче! Близок час —
Получит столько же пинков и естество твоё!»

476

Упоите меня! Дайте гроздий мне чистый сок!
Пусть, как яхонт, зардеет янтарь моих желтых щек.
А когда я умру, то вином омойте меня,
Из лозы виноградной на гроб напилите досбк.

477

Не допускай, чтобы тоска в груди твоей кипела,
Чтоб о насилии судьбы тобою мысль владела.
Ты пей вино на берегу бегущего ручья,
Пируй, пока земля твое не поглотила тело.

478

Я пью вино во всякий день беспечно,
Достойно это жизни быстротечной.
Предвечный раньше знал: я буду пить,—
Невеждой быть не мог Яздан предвечный.

479

Указано не пить кому-то,— может быть...
Другому — с кем, когда и сколько чаш делить...
Когда четыре все соблюдены условия,
Мужи разумные, конечно, будут пить.

106

480

Когда за круговой вы чашею сидите,
О друге, навсегда ушедшем, вспомните,
Когда же очередь моя настанет пить,
Вы чашу полную вверх дном переверните.

481

Вставай! Приступим к чистому вину,
Довольно у печали жить в плену!
Докучный разум оглушим кувшином,
Чтоб он надолго отошел ко сну.

482

Вхожу я под купол мечети суровый,
Воистину — не для намаза святого.
Здесь коврик украл я... Но он обветшал,
И в доме молитвы явился я снова.

483

Тень пустую от приманки отличать не всем дано.
Сердце двойственно — к мечети и к вину обращено.
Я всегда с вином и милой, что бы после ни грозило!
Лучше ль быть незрелым в келье, или зрелым — пить вино?

484

Мир двухдневный ненадежен; жалок преданный ему.
Я избрал вино, веселье, проходя из тьмы во тьму.
Мне твердят: «Прощенье пьянства лишь один дарует бог».
Не дарует! И такого дара — сам я не приму.

107

Собирай гуляк, где можешь, и на пир свой приглашай,
 Шариат, поста основы и намазы нарушай!
 Вот святой завет Хайяма: «Пей! Высмеивай святош
 И дела добра, где можешь, полной мерой совершай!»

Коль от молитв лицемерных в кабак ты уйдешь,— хорошо,
 Если красавицу-пери за кудри возьмешь,— хорошо.
 Помни — пока не успела судьба твоей кровью упиться,
 Если ты кубок свой кровью кувшина нальешь,— хорошо.

Я, подметавший бородой пороги кабаков,
 Простился и с добром и злом великих двух миров.
 Пусть оба мира упадут, ты их во мне найдешь,
 Когда лежу мертвецки пьян в одном из погребков.

Ты расставляешь западни на всех путях моих,
 Грозишь убить, коль попадусь я вдруг в одну из них.
 Ты сам ведь ставишь западни! А тех, кто в них попал,
 Бунтовщиками ты зовешь и убиваешь их?

КОММЕНТАРИИ

Стр. 11. *Бурак* — небесный конь, на котором Мухаммад якобы совершил свой мирадж-полет к высшим пределам неба.

Ханака — дервишеская обитель, монастырь.

Хырка — рубище, носимое суфиями и дервишами.

Зуннар — пояс определенного цвета, который были обязаны носить христиане, подданные мусульманских государей; зуннарами назывались также волосяные пояса, которые носили христианские духовные лица для умерщвления плоти.

Стр. 12. *Саки (соки)* — виночерпий, кравчий.

Стр. 13. *Птица радости* — Хума, Хумаюн (ср. Гамаюн русских сказок), легендарный образ древнеиранского эпоса.

Стр. 14. *Дей* — десятый месяц персидского солнечного года, соответствует 21 декабря — 20 января.

Шабан, Раджаб, Рамазан — месяцы мусульманского лунного года.

Адам — первый человек. В соответствии с религиозным преданием, когда аллах создал человека, все ангелы поклонились ему, кроме ангела *Иблиса*.

Стр. 15. *Иблис* — сатана, дьявол.

Стр. 16. *Джамшид* — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Джам — то же, что Джамшид. *Абу Саид* (X—XI века), *Ибрагим Адхам* (VIII век) — известные суфийские шейхи. Их песни стали молитвами и священными гимнами.

Стр. 17. *Ринд* — в прямом смысле — бродяга, кутила, гуляка. В таджикско-персидской поэзии образ ринда как воплощение свободолобия и хулителя официального ислама противопоставлялся реакционному духовенству.

«Идолов «ту» — здесь в смысле: поклоняюсь красавицам.

Рабат — подворье, странноприимный дом; в иносказательном смысле — бранный мир. *Бахрам (Гур)* — шах из династии

тии Сасанидов — погиб в завале пещеры. Впоследствии под именем Бахрам Гур становится героем многих сказаний и поэм.

Стр. 18. *Кей-Кубад* — царь из мифической династии шахов древних иранцев.

Зухра — планета Венера. По легенде — прекрасная женщина, за красоту и игру на чанге взлетела на небо и превратилась в звезду. *Иса* — Иисус Христос.

Стр. 19. *Човган* — клюшка с загнутым концом, при помощи которой гоняют по лугу мяч при игре «човганбози», напоминающей поло.

Стр. 21. *Изад, Яздан* — бог.

Стр. 23. *Ман* — мера веса (примерно 8 кг).

Стр. 24. *Хосров* — царь из династии шахов древних иранцев, один из героев иранских сказаний.

Муфтий — толкователь вопросов мусульманского права на основе *шариата* (см.).

Стр. 25. *Кавус, Кубад, Тус* — цари и герои «Шах-наме» Фирдоуси.

Ратль — большая чаша.

Стр. 27. *Барбат* — музыкальный струнный инструмент, род лютни.

Табут — погребальные носилки.

Стр. 28. *Чанг* — музыкальный инструмент типа цимбал (играют двумя палочками). *Михраб* — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке, куда обращались лицом молящиеся мусульмане. У этой ниши обычно при молитве стоял имам. *Суфра* — скатерть.

Зачем о черных письменах мне думать. Намек на слова корана о том, что никакая сила не изменит то, что «начертано каламом», т. е. предрешено от начала времен и навсегда.

Стр. 30. *Киёмат* — Страшный суд.

Четверостишие построено на непередаваемой игре слов: по-арабски, в коране, «майсара» — это «благодать», а по-таджикски «майсара» означает — «вино полезно».

Стр. 31. *Хум* — большой глиняный кувшин для изготовления и хранения вина.

Стр. 32. *Касаб* — бекасаб — сорт шелковой материи.

Майхана — питейный дом, кабачок.

Стр. 34. *Джейхун* — арабское название реки Аму (Аму-Дарья).

Стр. 35. *Рустам* — легендарный богатырь, герой эпических сказаний древних иранцев, являющийся одним из основных дей-

ствующих лиц «Шах-наме» Фирдоуси. *Хотам из племени Тай* — легендарный бедуин, необычайная щедрость которого стала пословицей и воспевалась многими классиками таджикско-персидской поэзии.

Стр. 40. *Махмуд и Аяз (Аёз)* — имеется в виду Султан Махмуд Газневи (998—1030) и его любимец Аяз. Взаимоотношения Махмуда и Аяза посвящен ряд мистико-эротических поэтических и прозаических произведений.

Стр. 45. *Кей-Кавус* — царь из мифической династии шахов древних иранцев.

Стр. 48. *Хызр* — имя пророка, которого, по преданию, нашел источник живой воды и выпил из него, благодаря чему обрел вечную жизнь.

Стр. 51. *Кадр* — мусульмане обычно 27-ю ночь месяца *Рамазана* (см.) называют ночью кадр, т. е. ночью предопределения, в которую якобы был ниспослан аллахом в откровении коран.

Стр. 56. *Парвиз* — победоносный, счастливый. Так звали (Хусрави Парвиза) сасанидского царя.

Стр. 57. *Юсуф* — Иосиф Прекрасный. Образ Юсуфа широко применяется в таджикско-персидской поэзии как символ красоты и жертвы неслыханного предательства.

Стр. 58. *Фаридун* — имя царя из мифической династии древнего Ирана, избавившей народ от тирана Заххака.

Стр. 59. *Пир* — старик, старец; основатель или глава религиозного или суфийского ордена.

Стр. 63. *Симург* — легендарная птица, по преданию, жившая в горах Каф, якобы окружавших всю землю по неведомым краям.

Стр. 67. *Кейван* — планета Сатурн. *Надир* — точка, противоположная зениту.

Стр. 72. *Кадий* — мусульманский духовный судья, действовавший по законам *шариата* (см.).

Банг — индийская конопля, из которой изготавливают гашиш.

Стр. 74. *Кавсар* — название легендарного источника — пруда в раю.

Стр. 75. *Рамадан* — то же, что и рамазан. *Шаввал* — название десятого месяца мусульманского лунного года. Следует после Рамазана — месяца поста.

Стр. 77. *Шариат* — свод религиозных правил мусульман, установленных на положениях корана, а также предания, связанные с высказываниями и поступками пророка Мухаммада.

Стр. 80. *Каба* (*кабо*) — верхняя длинная мужская одежда.

Стр. 84. *Туран* — так называлась вся территория, лежавшая по правую сторону Аму-Дарьи, куда входила, в основном, современная Средняя Азия.

Стр. 89. *Каландар* — странствующий дервиш, отшельник.

Айван (*айвон*) — открытая галерея, терраса, веранда.

Четверо — т. е. четыре элемента: земля, вода, огонь, воздух.

Стр. 91. *Харабат* — питьевой дом и место веселья *риндов* (см.).

В таджикско-персидской поэзии харабат воспевается как символ свободы и радости.

Стр. 97. *Кааба* — мусульманская святыня в Мекке. *Азан* (*Азон*) — призыв муэззина на молитву.

Стр. 98. *Имам* — мусульманское духовное лицо.

Стр. 100. *Парвин* — Плеяды.

Стр. 103. *Аят* — стих из корана.

Стр. 105. *Замзам* — название колодца около мекканского храма. Вода этого колодца верующими считается святой и обладающей якобы чудотворной силой.

Омар Хайям

РУБАЙЯТ

Редактор *Т. Гольц*
Художник *С. Вишнепольской*
Художественный редактор *Т. Корольва*
Технический редактор *К. Ходжаев*
Корректор *Н. Липанс*

* * *

Сдано в набор 17/VII-65. Подписано к печати
30/IX-65. Формат бумаги 70×108^{1/32}. Печати,
листов 3,625 (5,07). Учетно-издат. листов 3,19.
Тираж 100 тыс. Заказ 2536. КЛ 04438.

* * *

Издательство «Ирфон», Душанбе, Шевченко, 10.
Полиграфкомбинат Госкомитета Совета
Министров Таджикской ССР по печати.

26 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»